ДРЕВНОСТИ РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,

ИЗДАННЫЯ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

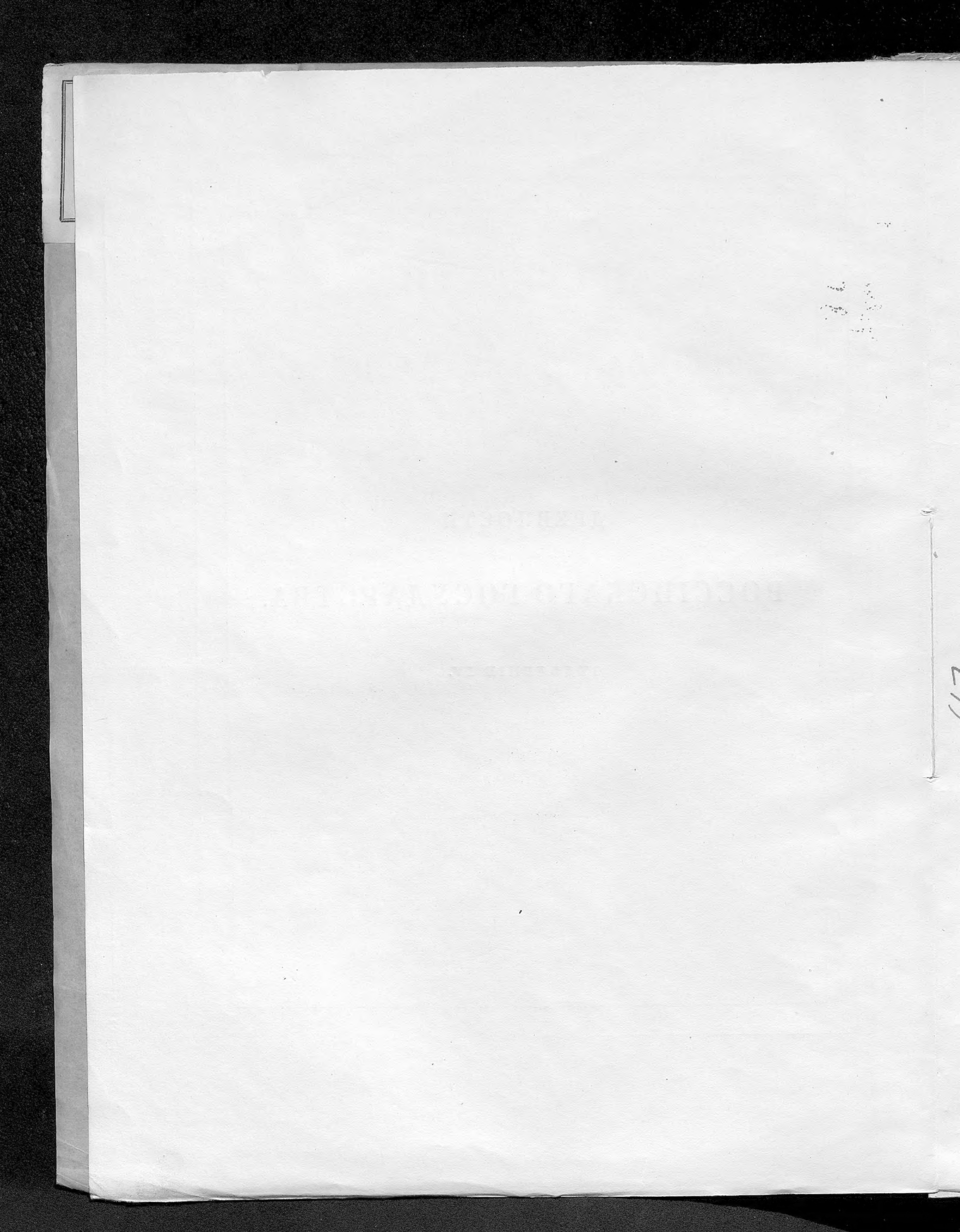

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

ДРЕВНОСТИ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

ДРЕВНОСТИ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,

ИЗДАННЫЯ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

ДРЕВНІЯ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКІЯ ЦАРСКІЯ, БОЯРСКІЯ, И НАРОДНЫЯ ОДЕЖДЫ,
ИЗОБРАЖЕНІЯ И ПОРТРЕТЫ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СЕМЕНА.
1851.

Печатано по опредѣленію ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета для изданія Древностей Россійскаго Государства.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ И ПОРТРЕТЫ.

ДРЕВНОСТИ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

ДРЕВНІЯ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКІЯ, ЦАРСКІЯ, БОЯРСКІЯ И НАРОДНЫЯ ОДЕЖДЫ, ИЗОБРАЖЕНІЯ И ПОРТРЕТЫ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ И ПОРТРЕТЫ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ КРЕСТА ГОСПОДНЯ

СЪ ПРЕДСТОЯЩИМИ ЕМУ ЦАРЯМИ И СВЯТИТЕЛЕМЪ.

(Рисун. Отд. IV. № 1.)

Изображеніе сіе, писанное на холстѣ масляными красками, находится въ алтарѣ надъ жертвенникомъ Распятской церкви при Теремахъ Кремлевскаго дворца; оно вышиною 1 аршинъ и 11 вершковъ, а шириною 1 аршинъ, $3\frac{1}{2}$ вершка.

Оно представляетъ подобіе или образецъ семиконечнаго креста, устроеннаго для Крестнаго монастыря Никономъ Патріархомъ въ 1656 году и украшеннаго серебромъ и золотомъ. Въ этомъ крестѣ помѣщено до 300 частицъ отъ св. мощей и святынь съ лѣтописьми и вырѣзными изображеніями. Въ 1657 году святыня сія отправлена была изъ Москвы въ Крестный монастырь, основанный Никономъ на островѣ Кіѣ, въ память спасенія Іерарха сего отъ бури на Бѣломъ морѣ. (1)

Кресту предстоятъ въ моленіи, какъ значится въ надписи: *Святый благовѣрный Царь Константинъ и Святая благовѣрная Царица Елена, Государь Царь и Великій Князь Алексей Михайловичь и Государыня Царица и Великая*

(1) Исторія Россійской Іерархіи, ч. IV, стр. 822

Княгиня Марія Ильинична; наконецъ, при подножіи Святитель (безъ означенія его имени) въ полномъ облаченіи и митрѣ, похожей на корону, съ убрусомъ въ рукѣ. Это никто иной долженъ быть, какъ Никонъ Патріархъ, основатель монастыря и соорудитель креста, по коему и монастырь получилъ названіе *Крестнаго.* Лице его нѣсколько сходно съ извѣстными намъ его портретами.

Каждое изъ пяти лицъ на образѣ держитъ въ рукахъ своихъ хартію, или свитокъ съ начертаніемъ молитвеннаго воззванія: 1) У Константина Великаго: « О пречестный Хрістовъ крестъ, азъ на небеси видѣхъ тя и вниде « въ вѣру Хрістову. Злонравный врагъ твой Максентій, во Хріста сына « Божія не вѣруя, Тобою побѣдися. Азъ видѣхъ тя въ водѣ крещеніемъ. » 2) у Елены: « О пречестный Хрістовъ крестъ, въ зачало сына моего азъ « свѣтомъ тя небеснымъ познала и отъ нѣдръ земныхъ совѣтомъ сына « моего Константина своима рукама подъяла и во-славу... » 3) у Алексія: « О всечестный кресте, ты божественная побѣда, ты содѣлованіе нашего « спасенія, ты невѣрныхъ одоленіе и божественная держава, просящихъ тя « сохрани! » 4) у Царицы Маріи: « Кресту вѣрнымъ во спасеніе, покла- « няемся и теплѣ облобызаемъ и объемля, древо всеблаженное Хрістово, « душу и умъ просвѣти, молюся, » и наконецъ 5) у Святителя: « Яко оду- « шевленну ти припадаемъ и взываемъ ти, кресте мой пресвятый, ты ми « просвѣти умъ и душу и слухъ и устнѣ и языкъ и дыханіе! » (2).

Здѣсь Византійскій Императоръ Константинъ Великій соединенъ съ Царемъ Московскимъ Алексіемъ потому, что какъ первый въ благодарность Кресту Господню за побѣду надъ Максенціемъ, такъ и послѣдній, съ Никономъ Патріархомъ, за успѣхи оружія въ Литвѣ и за спасеніе Царскаго семейства отъ чумы, соорудили Крестный монастырь и крестъ, одинаковый мѣрою съ подлиннымъ крестомъ, (на коемъ распятъ былъ І. Хрістосъ). Благовѣрный Московскій Царь подражалъ въ этомъ равноапостольному Кесарю Византійскому. Тогда же съ этого креста составленъ вѣрный снимокъ, подлинникъ прилагаемаго рисунка.

Изображеніе это ближе къ иконному Византійскому стилю, чѣмъ къ портретной живописи, хотя, повидимому, Русскій изографъ старался въ лицахъ Московскаго Царя, Царицы и Патріарха выразить подлинныя ихъ

(2) см. Въ Минеи служба Августа 1.

черты: подражая иконѣ Воздвиженія Честнаго Креста съ предстоящими ему въ моленіи равноапостольными Константиномъ и Еленою, онъ присоединилъ къ нимъ Царя Алексія Михайловича, Царицу Марію Ильиничну и Патріарха. Въ обстановкѣ фигуръ не соблюдено перспективы; ибо онѣ поставлены однѣ надъ другими, безъ дѣленія плановъ, какъ будто на горѣ. У всѣхъ лицъ одинъ оборотъ и простая оттѣнка. Хотя въ доличномъ замѣтна оконченность отдѣлки, но въ немъ нѣтъ легкости и мягкости; колоритъ вообще холоденъ и единообразенъ.

Доличное, знакомя насъ съ утварью Византійскихъ Императоровъ и Царей Московскихъ, представляетъ въ сходствѣ между тою и другою, доказательство, что послѣдняя заимствована отъ первой съ нѣкоторыми только отмѣнами: на обоихъ одинакій кобатъ (*καβάδιον*), или саккосъ съ нарамниками, или бармами на раменахъ (3), съ дорóгами по распашкѣ и подолу, но съ тою только разницею, что Св. Константинъ крестообразно препоясанъ перевязью, похожею на орарь, или омофоръ, между тѣмъ какъ у Елены подобная же перевязь не перекрещиваетъ персей, но только съ плеча спущена на руку. (4) Въ такомъ препоясаніи Византійскіе Императоры изображаются на монетахъ. Оно составляло знакъ отличія Императорскаго и послѣ короны и бармъ, одну изъ главныхъ принадлежностей Царской утвари. На Царицахъ одинаковый кобатъ, у Греческой съ нарамникомъ, у Московской съ мѣховымъ воротникомъ, сверхъ коего пристяжное ожерелье. Константинъ увѣнчанъ кесарскимъ вѣнцомъ (5) съ крестомъ, а Алексій Царскою короною большаго наряда. Короны Царицъ различны; одна *стѣноватая*, открытая, съ зубцами, другая съ полукруглымъ верхомъ; но у обѣихъ подъ вѣнцами «бѣлый платъ со главы на шею», который назывался *πρεπενδούλια*. (6) Патріархъ въ полномъ Святительскомъ облаченіи; въ рукѣ у него убрусъ, или сударь, съ какимъ нерѣдко писались Святители въ моленіи.

Сходныя съ этимъ изображенія, писанныя на холстѣ, хранятся въ алтарѣ соборной церкви Спасо-Евфиміева монастыря, (7) въ приходской церкви

(3) *G. Codini curopol.* de officiis magnae ecclesiæ, c. III. *Constantini porphyr.* de ceremoniis aulae Byzant. l. I, c. 41.

(4) Подобный (stola d'ora) носили на плечѣ Венеціанскіе сенаторы, заимствовавшіе украшеніе это отъ Византійцевъ.

(5) см. Пименово путеш. въ Царьградъ 1389 г. въ *Карамз.* И. Г. Р. V, пр. 133

(6) Подлинникъ лицевой, рукоп. XVII. в. въ 4.

(7) Замѣтки въ путешествіи по Россіи Графа А. С. Уварова.

Микулина городка (8) и въ Новомъ Іерусалимѣ на Голгоѳѣ, писанное въ большемъ размѣрѣ на дскѣ. Лица тѣже, только въ послѣднемъ присоединенъ Царевичь Алексій Алексѣевичь. Надписи на хартіяхъ одинаковы; но къ хартіи Царя Алексія Михаиловича прибавлены слѣдующія слова: « Благовѣр- « наго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича всея Великія « и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца написася подобіе въ двадесятъ « девятое лѣто возраста его, отъ сотворенія міра в лѣто 7166 (1658). » Если взять въ соображеніе лѣта жизни Царевича Алексія Алексѣевича: то первое изображеніе писано прежде; ибо сей Царевичь родился 1654 года, Февраля 5, а скончался 1670 г. Января 16. Изъ сего заключить можно, что описываемое нами изображеніе произведено въ началѣ Патріаршества Никона и послужило образцемъ для Новоіерусалимскаго, которое писано чисто въ иконномъ стилѣ, не отличномъ по достоинству. Замѣчательно, что въ самый годъ написанія этой картины (1658 г. Іюня 10), Никонъ, оставивъ Патріаршество, вступилъ на крестный путь, по коему шелъ въ заточеніе.

Наконецъ, на вопросъ: почему на этой иконѣ, подобно какъ и на другихъ, вмѣстѣ съ Святыми написаны, при жизни еще своей, Царь Алексій, Царица Марія и Патріархъ? отвѣтимъ рѣшеніемъ Стоглаваго собора: « отъ « древнихъ Святыхъ отецъ преданіе и отъ пресловущихъ живописцевъ Гре- « ческихъ и Русскихъ свидѣтельствуетъ и на св. иконахъ воображены и « написаны (якожь на Воздвиженіе честнаго и животворящаго Креста), не « токмо Цари и Святители, и прочае народы многая множество всякихъ « чиновъ. »

(8) Примѣчаніе П. Г. Головина.

ИЗОБРАЖЕНІЕ

В. К. СВЯТОСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА

СЪ ЕГО СЕМЕЙСТВОМЪ.

(Рисун. Отд. IV. № 2.)

Этотъ древнѣйшій памятникъ Русской миніатюрной живописи прежде служилъ заглавнымъ листомъ харатейнаго Изборника, списаннаго въ 1073 году, по повелѣнію В. К. Святослава Ярославича, діакомъ Іоанномъ. Въ 1817 году онъ найденъ былъ въ Воскресенскомъ Новоіерусалимскомъ монастырѣ К. Калайдовичемъ. Отдѣленный отъ рукописи, онъ теперь хранится въ Московской Оружейной Палатѣ, а самый Изборникъ въ Патріаршей библіотекѣ. (1) Такими миніатюрами издревле украшались харатейныя рукописи въ Греціи, Болгаріи, Сербіи и Россіи; нерѣдко самые переписчики бывали вмѣстѣ и живописцами.

Сколько драгоцѣнно сіе произведеніе миніатюрной живописи по своей 777 лѣтней древности, столько любопытно по изображеннымъ на немъ историческимъ лицамъ, по ихъ костюмамъ и надписямъ; слѣдственно оно важно по своему отношенію къ Русской живописи, исторіи, археологіи и палеографіи.

Представленное здѣсь изображеніе, подобно другимъ, находящимся въ упомянутой этой рукописи, писано металлическими красками на тонкомъ бѣломъ пергаменѣ, коего часть оторвана на лѣвой сторонѣ и подклѣена

(1) Іоаннъ Екзархъ Болгарскій, изслѣд. *К. Калайдовича.* М. 1824, въ л., стр. 216 и 217.

пергаминомъ. Хотя отъ времени нѣсколько и стерлись краски; но очерки лицà еще довольно сохранились, такъ что можно возстановить ихъ въ первобытномъ видѣ, кромѣ одного лица, совершенно почти изглаженнаго.

Рисунокъ представляетъ намъ семейство В. К. Святослава Ярославича, внука Владиміра I. Здѣсь видите Великаго Князя, его Княгиню Оду, урожденную Графиню Штадскую, дѣтей его Глѣба, Олега, Давида, Романа и Ярослава. Всѣ фигуры почти одного роста, вышиною въ $6\frac{1}{2}$ головъ, кромѣ меньшаго сына Святославова Ярослава, еще младенца, у котораго правая рука положена на грудь, а лѣвая поднята вверхъ. По сторонамъ Святослава и Глѣба изображены два звѣря съ поднятыми ушами и крыльями, похожіе на драконовъ. Шесть фигуръ ясно видны, седьмая едва замѣтна. Въ лицахъ нѣтъ того единообразія, какое, по большей части, встрѣчается на иконахъ. У Святослава и его супруги, у Глѣба и Ярослава лица круглыя; у перваго глаза подняты къ верху, по видимому, въ молитвенномъ положеніи, коему соотвѣтствуютъ и начертанныя слова изъ псалма; прочіе смотрятъ прямо, или потупивъ взоръ. У Романа и Глѣба лица продолговатыя. Но всѣ они изображены прямолично, и живописецъ, какъ замѣтно, пытался каждому изъ нихъ дать особенную характеристику и внѣшнюю поставу. Изъ этого можно заключить, что эти изображенія не идеальныя, но портретныя.

Замѣчательно, что волосы у Святослава на головѣ острижены высоко по Норманскии. Святославъ и Романъ съ усами, но безъ бороды: это не служитъ ли доказательствомъ, что въ древности, подобно Германцамъ, Русскіе брили бороду и оставляли только усы. (2) Примѣры тому найдемъ въ отечественныхъ лѣтописяхъ.

Одежда на нихъ представляетъ смѣсь Русскаго съ Византійскимъ. На Святославѣ низменная полукруглая шапка съ наушинами или заломомъ и мѣховою опушкой; на молодыхъ Князьяхъ шапки высокія, также съ наушинами на подобіе Татарскихъ. Эти шапки не то ли же, что клобуки, какіе нàшивали Великіе и удѣльные Князья даже въ церкви? (3)

На Святославѣ, Глѣбѣ и Ярославѣ родъ кафтановъ, не много ниже колѣнъ. Это должны быть употребительные тогда фофудьи—одежда, извѣстная у Грековъ подъ именемъ *φοφοῦδοτος* т. е. носимый съ поясомъ

(2) Опытъ объ одеждѣ, оружіи, нравахъ, обычаяхъ и степени просвѣщенія Славянъ, *А. Оленина*. Спб. 1832, въ 8.

(3) Воскресенская лѣтопись. I, 205. *Карамзин.* И. Г. Р. II, пр. 353.

кафтанъ. Объ нихъ упоминаетъ Несторъ; В. К. Владимиръ «повелѣ метати паволоки, *фофудьи* — людемъ.» Сверхъ фофудьи у Святослава мятель, или корзна, застегнутая на правомъ плечѣ запоною, такъ чтобы рука была свободна. Подобную одежду у Русскихъ въ X вѣкѣ описываетъ намъ Ибнъ-Фоцланъ, посланный отъ Халифа Муктедира къ Болгарскому Царю на рѣку Итиль, или Волгу. По его словамъ, «у Руссовъ мущина носитъ одежду грубой работы, коею онъ покрываетъ одну сторону тѣла, такъ что одна рука остается у него свободною». (4) По всему вѣроятію, это ничто иное, какъ *корзнъ,* лонгобард. и готск. crosna, crusna. (5) Она составляла верхнюю одежду. К. Владимиръ, желая защитить юнаго Игоря, покрылъ его своимъ корзномъ; Аньбалъ ключникъ одѣлъ тѣло В. К. Андрея Юрьевича корзномъ. Корзнъ впрочемъ разнится отъ коца и кожуха; первый былъ съ бармами и назывался великимъ коцемъ, другой съ аламами т. е. наплечками. Мятель, вѣроятно, отъ Mantel, была епанча, равно какъ и корзнъ Велико-Княжескій, съ орницами, или опушками, и съ подбоемъ. Сапоги у Князей востроносые и конечно, изъ сафьяна, изъ коего въ древности дѣлались сапоги.

В. К. Святославъ держитъ въ рукахъ книгу, можетъ быть, самый Изборникъ. Вообще мужскій костюмъ Князей представляетъ замѣчательное сходство съ одеждою Болгаровъ, изображенныхъ въ Греческой Минеи. (6)

У В. Княгини голова покрыта фатою; верхнее ея платье состоитъ изъ широкаго балахона съ длинными рукавами; воротъ у него обложенъ широкимъ отложнымъ воротникомъ, а подолъ — широкою каймой. Подъ верхнею одеждой находится нижняя съ узкими рукавами и золотыми поручнями. Ея костюмъ вообще сходенъ съ Византійскимъ XI столѣтія, какой видѣнъ на Маріи, супругѣ Императора Никифора Вотаніата. (7)

Изъ Греціи, связанной съ Русью религіозными и политическими сношеніями, Русскіе получали паволоки, повязки, пояса (πρανδία) и узорочья.

Наконецъ къ чертамъ лицъ художникъ присоединилъ и начертанія ихъ именъ, наведенныя золотомъ: имена сіи, писанныя уставомъ, читаются съ лѣвой стороны въ слѣдующемъ порядкѣ:

(4) *Ibn Foszlan's* über die Russen der älterer Zeit. I.
(5) *I. Grimm* Deutsche Rechtsalterthümer.
(6) Menologium Graecorum, p. II, p. 132.
(7) Опытъ о одеждѣ, оружіи и пр. Славянъ. *А. Оленина.* Спб. 1832, въ 8.

Глѣбъ, Ольгъ, Давидъ, Романъ и Ярославъ, Княгыня (безъ имени), Святославъ.

Надъ сими именами написаны золотомъ слѣдующія слова изъ Псалма LIII, по видимому, происходящія отъ лица Великаго Князя:

,,Желаніе сердца моего, Господи, не презьри, нъ пріими ны вьса и помилуй ны.

Это древнѣйшее изображеніе, разсматриваемое въ отношеніи къ художеству, представляетъ намъ одинъ изъ первыхъ опытовъ портретнаго искусства и образчикъ Русскаго народнаго пошиба въ живописи. Стиль его не принадлежитъ къ иконному, Греческому, который, въ XI вѣкѣ, былъ господствующимъ въ Россіи; потому что въ фигурахъ нѣтъ типической очертательности иконописи, но въ лицевомъ и доличномъ видно выраженіе народности съ ея мѣстными особенностями. Хотя этотъ рисунокъ есть опытъ младенчествующаго искусства; но замѣчателенъ по самодѣятельности художника, который, не подчиняясь типическимъ формамъ Византійскаго иконнаго стиля, писалъ съ натуры.

Если принять въ соображеніе, что имя Святослава въ Изборникѣ написано на выскобленной строкѣ и что въ позднѣйшемъ спискѣ его, найденномъ въ Кирило-Бѣлоезерскомъ монастырѣ, (8) вмѣсто Святослава, стоитъ имя Болгарскаго Царя Симеона: то придемъ къ заключенію, что приложенная здѣсь Русская миніатюра присоединена была къ Болгарскому списку.

(8) Поѣздка въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь. *Профессора Шевырева.* ч. 1 и 2. М. 1850, въ 8.

КАФТАНЪ

ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА IV.

(Рисун. Отд. VI. № 3.)

Въ ризницѣ Троицко-Сергіевой лавры между разными достопамятностями хранится кафтанецъ, или ферезь Царя Іоанна Васильевича, составлявшій одну изъ одеждъ древняго наряда. Эта одежда, изъ шелковой матеріи (гродетура), желтоватаго или палеваго цвѣта, подложена голубою бумажною бахтой; исподъ ея подпушенъ бѣлою тафтой на полвершка; узенькой воротникъ простроченъ, какъ у татарскаго халата. Весь кафтанъ стеганъ полосами. Длина его 1 аршинъ, 14 вершковъ, шириной въ подолѣ 2 аршина, 12 вершковъ; рукава длиною 1 аршинъ 2 вершка. На поляхъ для застегиванія пришиты по четыре шнура съ шелковыми кистями.

Въ описаніи Троицко-Сергіевой лавры сія одежда названа *ферезью.* (1) Ферезь, какъ видно изъ кроильныхъ книгъ, была лѣтняя на подкладкѣ и зимняя теплая на мѣху, иногда съ рукавами, а иногда безъ рукавовъ, украшалась шелковыми завязками съ кистьми и ворворками, какія видимъ на Іоанновомъ кафтанцѣ, съ образцами, или нашивками.

Въ малыхъ выходахъ Царей, ферези замѣняли кафтанъ поверхъ зипуна; на ферези надѣвался опашень, или однорядка. Ѣздовыя ферези, или ферезеи, какъ верхнее платье, надѣвались на обыкновенную ферезь, или чугу.

(1) Истор. описаніе Св. Троицкія Сергіевы лавры. М. 1842, стр. 49.

Въ такой ферезеи видимъ изображеніе Царя Алексѣя Михайловича, ему современное. При этомъ замѣтимъ, что въ употребленіи одежды наблюдалась Царями особенная обрядность: по сему платье, распредѣленное на наряды, было парадное, или нарядъ Большой Казны, *столовое, запасное, столовое, смирное,* или траурное, *панихидное, причастное, хоромное, ходильное, ѣздовое.* (2)

Еслибъ кому показалось страннымъ встрѣтить ходильное Царское платье въ ризницѣ, гдѣ находятся священныя утвари Троицкой лавры: тому укажемъ на свидѣтельства отечественныхъ лѣтописей, что даже въ самыхъ церквахъ вѣшались на память одежды Великихъ Князей. Такъ въ 1203 году, при разграбленіи Кіева Рюрикомъ Ростиславичемъ и при опустошеніи Владимира Татарами въ 1237 г. « поимаша порты т. е. одежды « блаженныхъ первыхъ Князей, еже бяху повѣшали въ церквахъ святыхъ « на память о себѣ ». (3) На праздники же выставлялись драгоцѣнныя одежды, хранимыя въ церквахъ. Изъ лѣтописи видно, что 1183 года, во Владимирѣ Клязенскомъ повѣшены были въ двѣ верви порты, шитые золотомъ и жемчугами отъ Золотыхъ воротъ до Богородицы, а отъ Богородицы до Владычнихъ сѣней. (4) Въ Московской Архангельскій соборъ отдавались Государевы шубы, коими, въ старину, покрываемы были Царскіе гробы.

Согласно съ такимъ обычаемъ, и Царь Іоаннъ Васильевичь, вѣроятно, оставилъ на память о себѣ свою ферезь въ Троицко-Сергіевой обители, гдѣ онъ принятъ былъ отъ св. купѣли. Въ ризницѣ Саввина-Сторожевскаго монастыря соблюдаются Царскія одежды: далматикъ Царя Алексія Михайловича, опашни Царицы Маріи Ильиничны и Царевны Софіи Алексіевны, (5) а въ Соловецкомъ монастырѣ — доспѣхи Князя Михаила Скопина-Шуйскаго и Князя Димитрія Пожарскаго, которые посвятили свое побѣдоносное оружіе церкви. Примѣръ посвященія оружій храму видимъ въ IV книгѣ Царствъ XI, 10, гдѣ упомянуто, что оружіе Давида хранилось во святилищѣ.

(2) Выходы Царей Михаила, Алексія и Θеодора. М. 1844 г.
(3) *Карамз.* И. Г. Р. III, пр. 109. *Лаврент. лѣтопись* подъ 1237. г.
(4) *Ипатьев. лѣтопись* подъ 1083 г.
(5) Историческое описаніе Саввино-Сторожевскаго монастыря. М. 1846, въ 8.

ИЗОБРАЖЕНІЕ СВ. ДІОНИСІЯ,

АРХИМАНДРИТА СВ. ТРОИЦКО-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ.

(Рисун. Отд. IV. № 4.)

Портретъ сей, писанный на холстѣ масляными красками, сохранился въ Архіерейскихъ покояхъ Троицко-Сергіевой лавры, а противень его на Корбухѣ, въ Гефсиманской церкви, сооруженной Св. Діонисіемъ. Знаменитый сподвижникъ Пожарскаго, Минина и Палицына, великій любовію къ отечеству и смиренный страдалецъ за истину, изображенъ въ фелони, какую носили тогда и Епископы, и въ митрѣ, (1) какую давали Святители не многимъ Архимандритамъ въ знакъ особенной милости. Вокругъ головы его вѣнецъ. Въ одной рукѣ у Діонисія Настоятельскій посохъ, въ другой четки. Надъ ликомъ его читаете, слѣдующую надпись:

ѡ҆́бразъ с Діѡнисїа А҆рхимандри(та) Тр҃цкагѡ.

Въ лицѣ отдѣлка и выполненіе удовлетворительны; окладъ его красивъ и пріятенъ; въ чертахъ его выраженъ характеръ смиренія и милосердія, какими онъ ознаменовалъ многотрудную жизнь свою. Черты сіи оправдываются и словами его жизнеописателя, который свидѣтельствуетъ, что « лице его было благолѣпно, очи и уста веселы, ако смѣющіяся. « Приложи « ему Богъ, продолжаетъ онъ, » къ его благоразумію бодрость и силу, « урядство и благолѣпіе лица, и возрастъ тѣлесный, яко никто же инъ въ

(1) Митра Діонисіева, украшенная 8 дробницами серебр. и жемчугомъ, донынѣ хранится въ ризницѣ Т. С. Л. Изъ надписи на ней значится, что она въ 7193 году передѣлана, при Архимандритѣ Викентіѣ, изъ старой шапки.

« та лѣта обрѣташеся подобенъ ему; браду долгу имѣлъ и широку — и « власы брады его русы бяху; очи ему веселы были ». (2)

Сличая образъ Діонисія съ современнымъ ему описаніемъ, находимъ сходство одного съ другимъ и подтвержденіе, что портретъ снятъ съ натуры и, можетъ быть, одинъ изъ тѣхъ, кои списывали съ усопшаго многіе зографы монастырскіе, « дабы таковый блаженный мужъ у всѣхъ въ памяти вѣчно « пребывалъ ». (3) Только, по сказанію его жизнеописателя, « брада была широка и долга даже до пупа»; но на портретѣ уменьшена, вѣроятно, для того, чтобы ею не закрыть облаченія.

Присоединимъ здѣсь къ чертамъ лица Св. Діонисія и важнѣйшія черты его жизни, по коимъ онъ достоинъ вѣчно пребывать въ памяти потомства.

Въ смутное время Самозванцевъ сей Настоятель Сергіевой обители былъ сподвижникомъ доблественнаго Гермогена; своими совѣтами радѣлъ Царю Василію Шуйскому, увѣщаніями дѣйствовалъ въ народѣ, волнуемомъ молвою. (4) Съ 1610 года, управляя Троицкимъ монастыремъ, послѣ осады его Поляками, Діонисій съ Келаремъ Авраамiемъ посланіями своими возбудилъ въ окружныхъ городахъ ревность « постоять за благочестіе и отечество « крѣпко и мужественно. » Тогда окрестности Троицкаго монастыря полны были безпріютныхъ, лишенныхъ крова, пищи и одежды, изувѣченныхъ и измученныхъ врагами, страдавшихъ безъ помощи. Великодушный Діонисій убѣдилъ братію и слугъ монастырскихъ служить бѣдствующимъ и погибающимъ: для пріюта, врачеванія и погребенія имъ устроены больницы, страннопріимные и убогіе домы. Онъ не только посылалъ своихъ людей въ окрестностяхъ собирать изнемогшихъ отъ ранъ, мученій и голода, приводить ихъ въ обитель, или погребать умершихъ; но и самъ съ иноками спѣшилъ къ нимъ на помощь и утѣшеніе; гдѣ же не успѣвалъ, туда онъ посылалъ днемъ и ночью своего келейника Дороѳея съ одеждою, полотенцами и деньгами. Ни трудъ, ни опасность, ни ропотъ братіи не останавливали его въ подвигахъ милосердія; оно не ограничилось одними стѣнами и окрестностями обители, но простиралось и на столицу: ее двукратно онъ спасалъ отъ голода доставленіемъ хлѣба, а подъ стѣнами

(2) Канонъ Преп. О. Діонисію съ присовокупленіемъ житія его. М. 1834, въ 12.
(3) тамъ же.
(4) *М. Евгенія* Словарь истор. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, 2. изд. 2 ч. Спб. 1827, въ 8.

ся онъ примирилъ раздоры въ Русскомъ воинствѣ, кои угрожали гибелью Царству.

Когда изъ Нижняго-Новгорода и окружныхъ городовъ собрались дружины въ Ярославлѣ, созванныя Мининымъ и предводимыя Пожарскимъ, тогда Діонисій съ Палицынымъ спѣшилъ соединить раздробленныя силы вѣрныхъ сыновъ Отечества, побудивъ Пожарскаго идти, какъ можно скорѣе, на освобожденіе Москвы отъ Поляковъ. Августа 18, 1612 года, онъ, въ виду Сергіевой обители, на горѣ Волкушѣ благословилъ Христолюбивое воинство на брань за вѣру и отечество. Его благословеніе превратило противный вѣтръ въ попутный ратоборцамъ: съ надеждою двинулись они къ Москвѣ. Когда отбитъ былъ у Поляковъ Китай-городъ приступомъ и они принуждены были сдаться въ осажденномъ Кремлѣ, тогда Троицкій Архимандритъ, по совершеніи благодарственнаго молебствія на Лобномъ мѣстѣ, одинъ изъ первыхъ вступилъ въ священный Кремль съ Духовенствомъ и торжествующимъ воинствомъ.

Въ Сергіевой обители онъ встрѣчалъ юнаго Михаила Романова, шествовавшаго въ Москву на сиротѣвшій престолъ. По его ходатайству, Царь, подтвердивъ своими грамотами права и преимущества монастыря, далъ тѣмъ средства Настоятелю его изгладить слѣды разрушенія отъ долговременной осады. (5)

Когда бы незабвенные его подвиги въ пользу отечества должны были увѣнчаться славою: тогда предстояла ему борьба съ завистью и невѣжествомъ. Въ 1616 году именною грамотой Царя, Діонисію поручено было пересмотрѣть и исправить къ напечатанію Церковный Потребникъ, изданный въ Москвѣ, 1602 года, книгопечатникомъ Андроникомъ Невѣжею. Согласно съ Греческимъ Требникомъ и древними Славянскими списками, Троицкій Архимандритъ, между прочимъ отмѣтивъ къ исключенію въ Невѣжинскомъ изданіи слово *огнемъ,* прибавленное въ молитвѣ при освященіи воды на Богоявленіе, представилъ на разсмотрѣніе Сарскому Митрополиту Іонѣ и духовнымъ властямъ. Такое исправленіе оглашено, какъ ересь. Тщетно Діонисій доказывалъ обвинителямъ своимъ неумѣстность прибавленнаго слова (огонь), котораго не находилось ни въ Евангеліи у Іоанна III, 5, ни въ книгѣ Дѣяній Апост. I, 5, ни въ чинѣ крещенія младенцевъ (6)

(5) Историческ. описаніе Троицкія Сергіевы лавры. М. 1842, въ 8.
(6) Исторія Русской Церкви, соч. Епископа Филарета (Гумилевскаго), періодъ Патріаршества. Рига. 1847, въ 12.

Отъ подсудимаго не хотѣли принимать никакихъ оправданій; но отлучивъ его отъ Церкви, запретили ему священнослуженіе; сверхъ того, наложили на него епитимью по тысячи поклоновъ въ день, кои онъ долженъ былъ исправлять, въ праздничные дни, на Крутицкомъ Митрополичьемъ дворѣ, среди поруганій отъ народа. Между тѣмъ разнеслась молва, будто еретики хотятъ вывести огонь въ мірѣ, не говоря, какой. Калачники и хлѣбники, боясь, что нечѣмъ имъ будетъ печь калачи и хлѣбы, возстали противъ невиннаго страстотерпца. Когда его водили по улицамъ въ лохмотьяхъ и кандалахъ, какъ отъявленнаго преступника, или возили на клячѣ, чернь бросала въ него пескомъ и грязью. Высокій смиреніемъ Діонисій все терпѣлъ правды ради, съ радостію, подобно Св. Апостолу Павлу, « радовался въ страданіяхъ своихъ. » Онъ уже не оправдывался, какъ невинный; но улыбался, какъ младенецъ, на слѣпое ожесточеніе черни. (7) Въ Новоспасскомъ монастырѣ стражи до того простерли свою лютость, что били и мучили его, томили жаждою и голодомъ, шесть недѣль коптили его въ дыму на палатяхъ.

Третій уже годъ терпѣлъ истому Діонисій, какъ прибывшій въ Москву 1619 года Іерусалимскій Патріархъ Ѳеофанъ для рукоположенія въ Патріархи Московскіе Филарета, вступился за безвиннаго страдальца; оправдалъ Греческимъ Требникомъ поправки его въ Славянскомъ. Дѣло это предложено было на разсмотрѣніе собора, который, признавъ невиннымъ Діонисія, освободилъ его изъ заточенія и, снявъ съ него епитимью, отпустилъ въ Троицкій монастырь на Архимандрію. При посѣщеніи этой обители Іерусалимскій Святитель, предъ св. мощами Препод. Сергія, возложилъ свой клобукъ на страстотерпца. Въ 1633 году блаженный мужъ подъ схимою мирно скончался въ обители Сергіевой. Мощи его, перенесенныя въ Москву, отпѣты были Патріархомъ Филаретомъ на Кремлевскомъ Троицкомъ подворьѣ и положены въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ. Отечественная Церковь приобщила Діонисія къ лику Святыхъ, а исторія дала ему неотъемлемое право гражданства въ своей области.

(7) Печатн. Житіе Препод. Діонисія, стр. 101.

ПОРТРЕТЫ

ЦАРЯ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА И КНЯЗЯ МИХАИЛА СКОПИНА-ШУЙСКАГО.

(Рисун. Отд. IV. № 5.)

Изображенія кроткаго сына Іоанна Грознаго и знаменитаго героя, прозваннаго, еще при жизни его, Отцемъ Отечества — представляютъ намъ опыты портретной живописи въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Г. Кеппенъ почитаетъ портретъ Ѳеодора «древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до «насъ изображеній, писанныхъ съ натуры.» (1) Оный хранится въ южномъ предалтаріи Московскаго Архангельскаго собора. Портретъ же Князя Михаила Скопина стоитъ надъ гробницей его въ придѣлѣ сего же собора, въ честь зачатія Св. Предтечи Іоанна.

Представляя намъ замѣчательный переходъ отъ типической иконописи къ портретной живописи, сіи древнія произведенія кисти неизвѣстныхъ намъ, но, по всему вѣроятію, отечественныхъ зографовъ, (2) современныхъ самымъ лицамъ, достопамятны своимъ предметомъ, драгоцѣнны по отношенію къ времени и мѣсту, къ самому художеству и художникамъ. (3)

Портретъ Царя Ѳеодора писанъ красками на яичномъ желткѣ, по левкасу, на липовой дскѣ, подбитой снизу алымъ бархатомъ, длиною $9\frac{1}{2}$ — а шириною

(1) Списокъ Русскимъ памятникамъ. М. 1812. стр. 96. Сѣверный Архивъ, 1822 г. Февраля, № 4.

(2) Хотя въ старыхъ подлинникахъ и другихъ актахъ употребляется слово *зоографъ;* но мы пишемъ *зографъ* по производству его отъ *ζωγράφος*, живописецъ, отъ *ζῶς*, живой и *γράφω*, пишу; а не отъ *ζῶον* и *γράφω*, пишущій животныхъ.

(3) Въ Трудахъ Общ. Ист. и Древ. Рос. ч. V, к. I. статья Г. Попова: о древнѣйшемъ портретѣ Царя Ѳеодора Іоанновича.

$7\frac{1}{2}$ вершковъ. Поля и свѣты прежде покрыты были темножелтоватою вохрой, а теперь празеленью. Въ срединѣ доски выемка для груднаго изображенія.

Лице у Царя, еще средовѣчнаго, продолговатое, худощавое, изъ-желта смуглое; носъ довольно длинный, горбоватый, по свидѣтельству Флетчера, ястребиный (hawke nosed); чело высокое съ морщинами и взлызинами; брови тонкія дугою; на головѣ волосы темнорусые, короткіе, курчеватые, глаза большіе на выкатѣ, челночками, безъ слезниковъ, или лузговъ; ухо въ сравненіи съ головою малое; усъ и борода небольшіе. Лице и волосы головные очерчены описью (оваломъ), какую обыкновенно дѣлали зографы иглою или графьею. Лице вообще, особливо нижняя его часть, значительно выдались впередъ. Вокругъ головы отводъ, т. е. круговая черта, изъ санкира, служитъ вѣнцемъ, въ какихъ пишутся Святые; теперь онъ закрытъ краскою. До 1812 года, на этомъ отводѣ наложенъ былъ серебряный съ позолотою вѣнецъ.

Нарядъ Царя состоитъ изъ становаго кафтана, украшеннаго драгоцѣнными камнями, съ стоячимъ пристяжнымъ ожерельемъ. Сверхъ кафтана надѣта въ роспахъ шуба съ аксамитною приволокой и горностаевымъ ожерельемъ или воротникомъ. Вверху на поляхъ доски написано узловатою вязью: « Благовѣрный Госѹдарь Царь и Великій Князь Өеодоръ Іоанновичь всеѧ Рѹси. »

Пошибъ сего портрета составляетъ средину между иконописью и живописью; съ одною онъ сближается по своему типу, описи и плавкѣ, съ другою по локальнымъ тонамъ и планамъ лица, даже по выраженію характера: спокойствіе и святолѣпное смиреніе, растворенное умильностію не земнаго жителя, но горняго въ славѣ — вотъ, по нашему наблюденію, отличительныя черты этого лица. Если бъ не было современныхъ Өеодору портретовъ его и писателей, сохранившихъ намъ примѣты его: то можно бы почесть описываемое здѣсь изображеніе не портретомъ, но иконою, какими представляются типическія лица, не рѣдко однѣ на другія похожія.

Не касаясь изображенія Царя Өеодора I на пушкѣ Дробовикъ, укажемъ на одинъ изъ современныхъ ему портретовъ, гравированныхъ иностраннымъ художникомъ: M. C. въ 12 долю листа; онъ хранится въ собраніи отечественныхъ древностей у Князя М. А. Оболенскаго. Окладомъ и локальными тонами лица онъ нѣсколько сходенъ съ нашимъ иконнымъ портретомъ, только художникъ придалъ ему свое національное выраженіе;

вокругъ лица начерталъ слѣдующія слова: Theodorus Iohannis Basilidis filius, Moscoviæ Magnus dux; а внизу стихи:

Minor hic rexit truce Moschoviaca rura parente,
Disponente sua, fato, de stirpe supremus.

Флетчеръ, видавшій Өеодора, замѣчаетъ, что сей Государь «былъ роста малаго, нѣсколько коротокъ и толстъ; лицемъ желтоватъ и склоненъ къ водяной болѣзни; носъ у него ястребиный; походка нетвердая, по причинѣ слабости въ его членахъ, тяжелъ и недѣятеленъ; но обыкновенно улыбается.« Сіи примѣты дополняются свидѣтельствомъ Кубасова (Хворостинина?):» Өеодоръ возрастомъ малъ, образъ постничества нося, смиреніемъ обложенъ» — и сказаніемъ Подлинника XVII вѣка, что сей благовѣрный Государь «подобіемъ русъ, брада не велика, аки Козмина, въ Царской багрянницѣ и шапкѣ.» (4) Сличая такія черты съ портретомъ Өеодора, не можемъ не видѣть между ними сходства. Въ нихъ чужестранецъ протестантъ замѣтилъ одну желтизну и улыбку, а Русскій православный — постничество и смиреніе, какимъ обложено было лице благочестиваго вѣнценосца.

Намъ заподлинно неизвѣстно, на какомъ году жизни писанъ портретъ сего Государя, царствовавшаго 14 лѣтъ и скончавшагося на 41 году отъ рожденія; но вѣроятно, снятъ не задолго предъ его кончиною, а можетъ быть, и съ усопшаго, по волѣ преемника его Бориса Годунова: чему увидимъ примѣры далѣе.

Еще достойно замѣчанія, что Өеодоръ изображенъ безъ Царскаго вѣнца, но въ вѣнцѣ Святыхъ, между тѣмъ какъ онъ не причисленъ къ лику Святыхъ и его имени не находится въ принятомъ нашею православною Церковью мѣсяцесловѣ. Но, вѣроятно, вскорѣ по кончинѣ своей, Өеодоръ, учредившій въ Москвѣ Патріаршество, признанъ за Святаго первымъ Патріархомъ Іовомъ, который описалъ намъ его благочестивое житіе и блаженную кончину. (5)

Современники Өеодора могли почитать и изображать его святымъ за благочестивую жизнь и достойную такой жизни кончину; потому что онъ, по сказанію Кубасова, «о душевнѣй вещи попеченіе имѣя, на молитвѣ всегда «предстоя и нищимъ требуемая подавая, о мірскихъ же ни о чемъ попе-«ченіе имѣя, токмо о душевномъ спасеніи, отъ младенчества даже и до

(4) Русскія Достопамятности, изд. Обществомъ Ист. и Древн. Рос. I, 173.
(5) *Никон. Лѣтопись,* ч. VII.

« конца своего тако пребысть. За сіе же спасенное дѣло Богъ Царство его « огради миромъ и враги умири и время благотишно подаде. Таковъ бысть « Царь Ѳеодоръ ! » Въ рукописномъ собраніи XVII вѣка Россійскихъ Святыхъ Чудотворцевъ мы встрѣчаемъ : *Святаго благовѣрнаго Царя и Великаго Князя Ѳеодора Іоанновича;* въ рукописныхъ Подлинникахъ онъ именуется *новымъ всея Россіи Чудотворцемъ.*

Сверхъ того, предки наши находили въ обычаяхъ и преданіяхъ Византійской православной Церкви побужденіе украшать знаменіемъ святости лики своихъ Государей послѣ ихъ кончины. Греко-Римляне величали своего Императора, по освященію его мѵропомазаніемъ, *Святымъ* (*τὸν ἅγιον βασιλέα*); въ законахъ ихъ особа его именовалась sacro-sancta. При коронованіи его, Патріархъ , крестообразно помазывая его голову св. мѵромъ, возглашалъ троекратно : *Святъ.* Слово сіе троекратно повторялъ клиръ и народъ. Что это названіе относилось къ Государю, то заключить можно изъ словъ Симеона Ѳессалон : *τὸν βασιλέα χρίων ὁ ἀρχιερεὺς ἅγιον ἀνακηρύττει* , т. е. помазывая Царя , Архіерей провозглашаетъ его *Святымъ.* (6) Греческаго Императора величаетъ *Святымъ* всеросс. Митрополитъ Кипріанъ въ заемной кабалѣ. (7) Такимъ образомъ, съ введеніемъ св. мѵропомазанія Царей Русскихъ могло войти въ обыкновеніе называть ихъ *Святыми.* По сему въ Русскихъ, равно въ Сербскихъ и Болгарскихъ, древнихъ грамотахъ иногда Царямъ придается титло *Святаго*; въ предисловіи къ рукоп. Минеи 7108 г. Царь Борисъ Ѳеодоровичь названъ даже *Святѣйшимъ.* (8) Чтожъ касается до знаменіи святости, то Благовѣрные Князья и Цари, какъ орудія и слуги Божіи, блюстители православной Вѣры и защитники Церкви, по примѣру Греко-Римскихъ и Франкскихъ Государей, (9) послѣ кончины своей, изображались въ вѣнцахъ Святыхъ. Такъ въ соборной церкви Новоспасскаго монастыря Цари Михаилъ и Алексій, написанные по смерти ихъ, украшены такими вѣнцами, а въ Архангельскомъ соборѣ, писанные при жизни Царя Алексія Михайловича — безъ вѣнцевъ.

На такомъ основаніи въ Царской усыпальницѣ Московскаго Архангельскаго Собора надъ гробницами изображены Великіе и Удѣльные Князья, Цари

(6) *J. Reiske* commentarii ad Constantini porphyrog. ceremoniale aulæ Byzantinæ *Ioann. Cantacuzen.* Histor. I, c. 41.
(7) Акты историческіе т. I, № 252
(8) въ Библіот. Чудова монаст.
(9) Les monumens de la monarchie française, par *Montfaucon*, t. I, à Paris, 1729, in-4.

Θеодоръ II и III, а на стѣнахъ паперти Благовѣщенскаго собора В. К. Іоаннъ Калита, Димитрій Донской и Василій Іоанновичъ въ вѣнцахъ Святыхъ, хотя они еще не причислены Церковью къ лику Святыхъ. Самъ Θеодоръ въ золотой палатѣ нѣкогда написанъ былъ сидящимъ на тронѣ въ Царскомъ вѣнцѣ, въ порфирѣ съ воротникомъ, въ жемчужномъ ожерельѣ, съ златою цѣпью на груди, съ скипетромъ и державою въ рукахъ; въ Архангельскомъ же Соборѣ онъ изображенъ безъ Царскаго вѣнца, но съ вѣнцемъ Святыхъ, который предпочиталъ первому; ибо, по словамъ Кубасова: «о мірскихъ ни о чемъ попеченіе имѣя, токмо о душев« номъ спасеніи.»

Но такимъ вѣнцемъ не украшенъ образъ Князя Михаила Скопина Шуйскаго, осѣненный ликомъ Спасителя на убрусѣ. Онъ написанъ также по левкасу на липовой дскѣ длиною 2 четв. 1 верш. шириною 2 четв. Надъ ликомъ его начертано вязью: «Благовѣрный Князь Михаилъ Васильевичь Скопинъ.» На гравированныхъ снимкахъ у Берха въ Царствованіи М. Θ. и въ Трудахъ Общества Ист. и Древн. Росс. V, кн. 1, вмѣсто *Благовѣрнаго*, Скопинъ ошибочно названъ *Великимъ Княземъ*. По своему пошибу, образъ его ближе къ портрету, чѣмъ къ иконѣ. Черты лица довольно правильны и соразмѣрны.

Лице у Князя Скопина, какъ и у Царя Θеодора, въ $\frac{3}{4}$, круглое, нѣсколько одутловое. Онъ еще безъ уса и бороды; ибо кончилъ славную жизнь свою на 24 году отъ рожденія. Шею его обхватываетъ пристяжное ожерелье, соединенное съ кафтаномъ, сверхъ коего надѣта шуба въ роспахъ съ горностаевымъ воротникомъ. По свидѣтельству современнаго Скопину Шведскаго историка Видекинда, онъ «имѣлъ прекрасную душу, умъ не по лѣтамъ зрѣлый, на« ружность и осанку пріятную» (staturæ formæque elegantis). Это отчасти выражается въ чертахъ лица его на портретѣ, который долженъ быть ему современнымъ, и какъ полагать можно, поставленъ на память благодарными Скопину соотчичами надъ гробницею сего доблественнаго воеводы, побѣдителя Шведовъ и Поляковъ. Въ памятной книжицѣ Архангельскаго Собора вписано слѣдующее: «Въ придѣлѣ Іоанна Предтечи опочиваетъ Царя и « Великаго Князя Василья Ивановича всея Руссіи племянникъ, Князь Ми« хаила Шуйскій-Скопинъ, по указу Государеву, а по своему храброму « разуму, Божіею помощію надъ враги Польскими и Литовскими людьми

« и Русскими измѣнниками, которые хотѣли разорить Государство Москов-« ское и вѣру Христіанскую попрать, явно показавъ преславную побѣду, « пріиде къ Москвѣ, судомъ Божіимъ преставися въ лѣто 7118 (1610), « Апрѣля въ 23 день, на память Великомученика Георгія, въ послѣдній « часъ нощи. » (10)

Хотя Г. Кеппенъ и почитаетъ портретъ Царя Θеодора « древнѣйшимъ « изъ дошедшихъ до насъ изображеній, написанныхъ съ натуры; » но изъ свидѣтельства лѣтописей, житейниковъ и подлинниковъ, наконецъ изъ древнихъ памятниковъ живописнаго художества въ Россіи, еще не приведенныхъ во всеобщую извѣстность, открываются намъ слѣды портретной живописи гораздо прежде XVI вѣка.

Такіе опыты въ Россіи производились: 1) иконописью на дскахъ и холстѣ; 2) миніатюрною живописью на пергаментѣ и бумагѣ; 3) альфреско и алсекко на стѣнахъ, и 4) швейнымъ искусствомъ на пеленахъ и покровахъ.

1. Почти съ самаго введенія Греческой иконописи въ южной Россіи появляются опыты портретной живописи. Примѣръ тому видѣли въ изображеніи Преподобнаго Антонія и Θеодосія Печерскихъ, показанномъ въ Печерскомъ монастырѣ Греческимъ художникамъ въ XI вѣкѣ. По свидѣтельству Патерика Печерскаго въ похвалѣ Св. Антонію: « въ мірѣ были укра-« шавшіе домы свои различными подобіями и зраками прадѣдовъ, дѣдовъ и « родителей своихъ. » Этими словами, по видимому, доказывается стародавній, сходный съ Римскимъ (jus imaginum), обычай выставлять въ домахъ портреты предковъ своихъ и потребность въ живописи для сохраненія ихъ памяти; но какъ похвалы Св. Антонію не находится въ древнѣйшихъ спискахъ Патерика, а включена она въ изданія его XVII вѣка: то обычай этотъ, по новости самой мысли, слѣдуетъ относить къ XVII столѣтію, когда въ Кіевѣ водворились Польскіе обычаи. До того времени кисть изографа посвящаема была на олицетвореніе только прославившихся святостію жизни и подвигами вѣры и благочестія, какъ можно судить изъ дошедшихъ до насъ изъ древности опытовъ портретнаго искусства. Свидѣтельство тому и примѣры найдемъ въ житейникахъ и въ самыхъ памятникахъ иконописи. Такъ въ Новогородскомъ Хутынскомъ монастырѣ находится древній портретъ Св. Игумена Варлаама, преставившагося 1243 года.

(10) Царствованіе Царя Михаила Θеодоровича, ч. 2, изд. Берха. Спб. 1832. (ст. 7.).

Изъ житія Св. Пахомія Нерехотскаго, скончавшагося 1384 года, видимъ, что онъ, на другой годъ послѣ блаженной кончины своей, явившись во снѣ Иринарху, сказалъ: «Напиши образъ подобія моего.» И чернецъ, жившій съ нимъ долгое время, исполнилъ его волю. По сказанію Подлинника, Симоновскій Архимандритъ Св. Ѳеодоръ написалъ образъ дяди своего, Преподобнаго Сергія. (11) Преподобный Діонисій Глушицкій, славившійся въ XV вѣкѣ своимъ искусствомъ живописанія, изобразилъ подобія Преподобнаго Кирилла Бѣлоезерскаго и Св. Димитрія Прилуцкаго, донынѣ сохранившіяся въ Бѣлоезерскомъ и Прилуцкомъ монастыряхъ. Другъ Св. Савватія Соловецкаго, купецъ Іоаннъ, бывшій при его погребеніи, снялъ съ усопшаго иконное подобіе лица и прислалъ его къ Св. Зосимѣ, который смотрѣлъ на него, какъ на живаго. (12)

Во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, надъ гробницею В. К. Андрея Боголюбскаго лежала доска съ его образомъ, написаннымъ во весь его ростъ, въ древней Княжеской одеждѣ, совершенно отличной отъ одежды Великихъ Князей и Царей Московскихъ. Полагать надобно, что доска снята съ гроба его, когда св. мощи его были обрѣтены. Теперь она помѣщена въ иконостасѣ, украшенная серебряннымъ вѣнцемъ и окладомъ старинной работы. Мы еще укажемъ на образъ Преподобнаго Филиппа въ Краснoборской Филиппоиранской пустынѣ, написанный по явленію во снѣ Преподобнаго и по его повелѣнію, старцу Ѳеодосію, также на двѣ древнія иконы Преподобнаго Димитрія, основателя Цилибинской Архангельской пустыни и т. д.

Всѣ сіи примѣры показываютъ употребленіе въ древности на Руси портретной живописи и обычай, освященный давностію, сохранять черты Святыхъ мужей на память потомству.

Въ эпоху освобожденія Россіи отъ ярма Монгольскаго, когда Московскіе державцы вошли въ сношеніе съ Западною Европою: тогда, кромѣ изображенія Святыхъ, появились портреты Государей, Святителей и даже усердныхъ храмоздателей, подъ названіемъ *парсунъ* отъ Лат. persona. (13)

(11) Древности Росс. Государства, отд. I, стр. XXVIII.
(12) Исторія Росс. Іерархіи, VI, 714. IV, 596 и 649. Четьи Минеи Мартъ, стр. 237.
(13) По свидѣтельству Г-на Гриневича, портретъ Марѳы Посадницы находится въ настоятельскихъ келіяхъ Николо-Корельскаго монастыря. Если этотъ портретъ современный ей, то онъ служитъ доказательствомъ, что тогда въ Новгородѣ живопись передавала черты лица свѣтскихъ особъ.

Хотя Русскіе, какъ мы замѣтили, еще ранѣе узнали портретную живопись отъ Византійцевъ и Болгаровъ; но въ Московскій міръ она перенесена Западными художниками съ тѣмъ характеромъ, какой данъ ей въ Европѣ, гдѣ уже было столько школъ живописи и гдѣ, какъ извѣстно, она доведена Италіанскими художниками до классическаго совершенства. Исторія представитъ намъ примѣры. Римскій Папа Павелъ II, для удостовѣренія В. К. Іоанна Васильевича въ наружныхъ достоинствахъ невѣсты его, Цареградской Царевны Софіи, вручилъ его послу Царевну, «на иконѣ написавъ.» Портретъ В. К. Василія казалъ Іовію въ Римѣ Русскій толмачь Дмитрій Герасимовъ. Внукъ Іоанна III, Царь Іоаннъ Васильевичь приказалъ послу своему Писемскому требовать у Королевы Елисаветы *живописнаго образа* (на дскѣ, или бумагѣ) племянницы ея Маріи Гастингсъ, съ которою онъ хотѣлъ сочетаться бракомъ, бывши женатымъ на шестой, или седьмой женѣ. По этому случаю пріѣзжалъ къ Русскому послу Томасъ Рандольфъ и говорилъ: «Королевна де прислала къ тебѣ парсуну Княжны Хантин-«ской (Гастингсъ), а своей племянницы, и велѣла тебѣ отвезти къ ея брату, «а къ своему Государю,» Баусъ, посолъ Англинской Королевы Елизаветы, за которую также сватался Іоаннъ IV, обѣщался именемъ своей Государыни доставить ему *портреты* десяти Лондонскихъ прелестныхъ дѣвицъ знатнаго происхожденія. (14) Древніе портреты Царя Іоанна Васильевича и старинные съ нихъ списки, сохранившіеся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, не доказываетъ ли намъ, что въ его время портретная живопись продолжала свою дѣятельность?

Не отвергая мнѣнія Карамзина, что портретъ В. К. Василія, показанный Русскимъ толмачемъ Іовію, произведенъ былъ не Русскимъ, но иностраннымъ художникомъ, не можемъ однакожъ согласиться, чтобы писаны были чужестранцами: подобіе В. К. Василія надъ его гробницей въ М. Архангельскомъ соборѣ и образъ первой его супруги Саломоніи, въ иночествѣ Софіи, писанный на дскѣ и вышитый на покровѣ надгробномъ въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ, съ надписью на серебряномъ вѣнцѣ: «*Святая Великая Княгиня Софіа, новая Суздальская чудотворица;*» парсуна Дмитрія Отрепьева, посланная къ Папѣ Павлу V, изображеніе младенца Царевича Димитрія, показанное матерью его Мареою въ обличе-

(14) *Карамз.* И. Г. Р. т. IX. 419 и 420

ніе взволнованному народу, наконецъ разсмотрѣнные нами образы Царя Θеодора и Князя Михаила Скопина. Если въ то время было на Руси столько пресловутыхъ зографовъ: то могли быть и портретисты; переходъ отъ типической иконы къ портрету для даровитаго художника не труденъ.

Всѣ такіе опыты портретной живописи, безъ сомнѣнія, производились въ древнѣйшія времена Россіи, подъ вліяніемъ Византійскаго пошиба, а съ XVI, или лучше сказать, съ XVII вѣка, подъ вліяніемъ уже разныхъ школъ западнаго стиля, отъ коего Русскіе художники отчасти заимствовали пріемы.

Въ XVII же вѣкѣ, когда въ Москвѣ процвѣтала церковная живопись, когда началось отдѣленіе ея отъ свѣтской живописи, иконы отъ картины и портрета: тогда тамъ появились между Царскими иконописцами портретные живописцы; изъ нихъ извѣстны 1642 г. Станиславъ Лапуцкій, у котораго учениками были Русскіе Ивашка Безминъ и Дорошка Ермолинъ; онъ, по указу Царя Алексѣя Михаиловича, въ 1662 г. писалъ Государеву парсуну и по холсту Цесарей Римскихъ на конѣхъ; (15) потомъ упоминаются въ дѣлахъ 1665 г. иноземецъ Цесарскія земли живописецъ Даниило Вухтеръ, Иванъ Дитеренъ, Армянинъ Богданъ Салтановъ, Иванъ Вартаръ; 1671 г. живописцы Оружейной Палаты Лазарь Ивановъ, Василій Познанскій и Кипріанъ Умбрановскій; 1680 г. Семенъ Болховитиновъ, Семенъ Лисицкій, Герасимъ Костоусовъ, Василій Гавриловъ, Тихонъ Филатьевъ, Денисъ Щербаковъ, Иванъ Карповъ Кормоваго Дворца стряпчій Иванъ Неустроевъ и проч. Въ 1677 году, по приказу Боярина Богдана Хитрова, Царскій изографъ Иванъ Евтиѳѣевъ написалъ портреты Царей Михаила и Алексія, (16) поставленные въ послѣдствіи, въ Архангельскій соборъ предъ гробницами обоихъ Государей. Въ числѣ Царскихъ жалованныхъ зографовъ, чужестранныхъ и отечественныхъ, нѣкоторые посвящали кисть свою на изображеніе лицъ Царскихъ; ихъ работа обыкновенно называлась «Великаго Государя хоромныя живописныя дѣла.» Къ нимъ, безъ сомнѣнія, принадлежало писаніе Царскихъ портретовъ. Но весьма немногіе изъ портретовъ до насъ дошли; дѣло о Московскомъ Троицкомъ пожарѣ 1737 г. показываетъ, что нѣкоторые изъ нихъ тогда съ другими сокровищами древности сдѣлались жертвою пламени.

(15) Временникъ Императорскаго Общества Ист. и Древн. Росс. кн. VII, стр. 48 и 80. Памятники Москов. Древности, соч. *Снегирева*, т. I, стр. 67.

(16) Книга приходн. и расходн. Оружейной палаты. 1686 г. № 237. Выше сказано на 20 стр. при жизни Ц. А. М скончавшагося 1676 г. Января 29. Надобно читать: послѣ смерти Ц. А. М.

Въ XVII вѣкѣ портреты Царскіе писаны были на дскахъ и на холстѣ, то поясные, то колѣнчатые, иногда во весь ростъ, такъ въ переписной книгѣ Оружейной Палаты 1687 г. упомянуты: 1) « Парсуна Великаго Госу- « даря Царя Михаила Ѳеодоровича на дскѣ, длиною 1 аршинъ, 10 вершковъ, « шириною 1 аршинъ, $1\frac{1}{2}$ вершковъ, 2) Парсуна Великаго Государя Царя « Алексѣя Михайловича, писанная по полотну, длиною 3 аршина, 1 вер- « шокъ; 3) Парсуна, по преставленіи, Великаго Государя Царя Алексѣя « Михаиловича, на полотнѣ, въ черныхъ рамахъ, длиною 2 аршина безъ « вершка, шириною 1 аршинъ и 1 вершокъ. » Слѣдовательно портретъ снятъ былъ съ усопшаго Царя — « по преставленіи его. » Въ описи большому наряду Царя Михаила Ѳеодоровича 1642 г. упомянуты двѣ цѣпи золотыя « съ парсоною. »

Кромѣ Москвы, въ Троицко-Сергіевой и другихъ обителяхъ были изографы, которые писали съ натуры изображенія Государей и Святителей. Въ Сергіевой обители произведенъ портретъ Максима Грека, дошедшій до нашего времени въ спискахъ; тамъ, какъ выше замѣтили, собирались живописцы ко гробу Св. Діонисія снимать ликъ сего подвижника.

Въ XVII вѣкѣ писаніе Царскихъ портретовъ получило государственное значеніе и ограничено законными условіями; право выставлять Царскіе портреты въ домахъ стало привилегіей извѣстныхъ лицъ. По свидѣтельству Рейтенфельса 1670 года, « въ знакъ особенной милости Царя нѣкоторымъ « особамъ дозволялось имѣть у себя въ домѣ портретъ Государевъ. »

Петръ I-й заботился объ усовершенствованіи въ Россіи портретной живописи. Указомъ своимъ 1723 года, Января 21 онъ повелѣлъ: « писать « Императорскія живописныя персоны искусно освидѣтельствованнымъ въ « добромъ мастерствѣ живописномъ, со всякою опасностію и прилежнымъ « тщаніемъ, а неискусно писанныя невѣждами отбирать въ Сѵнодъ. » Надзоръ надъ этимъ порученъ былъ Суперъ-Интенданту Зарудневу. Съ царствованія Петра I, Государевъ портретъ сдѣлался законною принадлежностью судебныхъ мѣстъ, гдѣ дѣла производятся именемъ Царя и какъ бы въ его присутствіи, предъ зерцаломъ его закона. Хотя сей Государь въ Генеральномъ Регламентѣ, изчисливъ внѣшнія принадлежности присутствія, не упомянулъ ни о св. иконѣ, ни о портретѣ Царскомъ; но, вѣроятно, онѣ, какъ предполагаемыя необходимости, безъ того подразумѣвались и вошли въ употребленіе. Если упомянутая въ дѣлѣ Гг. Писа-

рева и Скорнякова 1722 года, *персона* Государева не означаетъ зерцала: то она знаменуетъ Царскій портретъ, украшавшій залу присутствія Сената. (17) Наконецъ въ Уложеніи о наказаніяхъ, отд. III, ч. II, стр. 268, искаженіе или истребленіе въ присутственномъ мѣстѣ портретовъ Государя причислено къ преступленіямъ противъ Императорской особы. Со времени Петра I умножились Царскіе портреты, кои, послѣ св. иконъ, составляли главное украшеніе въ боярскихъ палатахъ, хоромахъ и въ настоятельскихъ келліяхъ. Петръ I, какъ извѣстно, началъ жаловать свои портреты въ знакъ особеннаго своего благоволенія.

2) По образцу Греческихъ, Болгарскихъ и Сербскихъ рукописей, и Русскія издревле украшались миніатюрами, на коихъ встрѣчаются и портреты Святителей, Великихъ и Удѣльныхъ Князей и Княгинь. Таково описанное здѣсь миніатюрное изображеніе въ XI вѣкѣ, В. К. Святослава Ярославича съ его семействомъ; въ типографской харатейной рукописи XIV вѣка, Житіе В. К. Бориса и Глѣба, лики сихъ вѣнценосныхъ страстотерпцевъ; въ похвалѣ В. К. Владиміру харатейной рукописи XV вѣка, (18) подобіе сего просвѣтителя Россіи съ его сыновьями Борисомъ и Глѣбомъ. Слѣды древнихъ портретовъ найдемъ не только въ житейникахъ Святыхъ и въ хронографахъ XV, XVI и XVII вѣковъ, но даже въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ, напр: изображеніе черица Арсенія въ моленіи предъ Деисусомъ на харатейной грамотѣ XIV в. отъ Рязанскаго В. К. Олега (19) и портретъ Царя Іоанна Васильевича на его грамотѣ у А. Д. Черткова. Въ XVII вѣкѣ, когда на Москвѣ портретная живопись распространилась иностранными художниками, въ 1672 году, стараніемъ знаменитаго боярина Матвѣева составленъ былъ Титулярникъ, гдѣ помѣщены миніатюрныя изображенія не только Государей Царей Россійскихъ и Святѣйшихъ Патріарховъ, но и окрестныхъ Государей. (20)

Такія миніатюры, представляющія намъ характеристическія черты историческихъ лицъ, вѣроятно, сняты были съ древнѣйшихъ и не рѣдко со-

(17) Въ слѣдственномъ дѣлѣ Барона Шафирова и Скорнякова-Писарева 1722 г. упомянуто о нарушеніи имъ высокова решпекта Его Императорскаго Величества высокой персоны.

(18) Литографир. рисунки къ опыту о Словенахъ отъ временъ Трояна и Русскихъ до нашествія Татаръ. Спб. 1832 г.

(19) Акты историческіе Археограф. Коммисіи, т. I.

(20) Соборная грамота Духовенства восточной православной Церкви, утверждающая санъ Царя, изд. Кн. М. А *Оболенскаго*. М. 1850, въ 4.

гласны съ тѣми примѣтами ихъ, какія передаютъ намъ лѣтописи и стародавніе подлинники, или выличенья. Изъ подробнаго описанія облика Великихъ Князей въ первыхъ легко можно заключить, какъ мы замѣтили въ 1 тетради, что лѣтописцы знакомы были съ живописью.

3. Стѣнописаніе сперва по сырой штукатуркѣ (al-fresco), а потомъ по сухой (al-secco) корпусными, клеевыми, или масляными красками, издревле украшало храмы Божіи бытейскимъ письмомъ, какъ свидѣтельствуютъ намъ древнѣйшіе фрески, возстановленные Академикомъ Солнцевымъ въ соборахъ Кіево-Софійскомъ и Владимірскомъ Дмитріезскомъ и сохранившіеся въ Полоцкомъ Спасскомъ соборѣ, въ церквахъ Староладожской Георгіевской, Успенской въ бывшемъ Новгородскомъ Волотовѣ монастырѣ, Рождественской въ селѣ Городнѣ Тверской губерніи. (21) Кромѣ Святыхъ, стѣнопись церковная олицетворяла Великихъ и Удѣльныхъ Князей, Царей и храмоздателей; изображала ихъ подобія надъ гробницами ихъ. Образцемъ тому служила Россійской Церкви Греческая и Грузинская; потому что на внутреннихъ стѣнахъ Константинопольскаго храма Софіи открыты г-мъ Фоссати изображенія нѣкоторыхъ Византійскихъ Императоровъ, такъ равно въ церквахъ Аѳонской горы, по свидѣтельству О. Серафима и А. Н. Муравьева, написаны лики ктиторовъ. Въ церквакъ Грузіи Русскій посолъ Никифоръ Толочановъ, въ 1650 г. видѣлъ портреты Царей Имеретинскихъ; въ Кіевософійскомъ Соборѣ на сѣверо-восточной сторонѣ верхнихъ галлерей изображены на стѣнахъ лики храмоздателей: В. К. Владиміра Святославича, Ярослава Владиміровича съ братьями, В. К. Всеволода Святославича, Святослава Ярославича и Святополка Изяславича. (22)

По этому примѣру, и въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ написаны клеевыми красками на сухой штукатуркѣ подобія Великихъ и Удѣльныхъ Князей надъ ихъ гробницами. Онѣ, какъ увидимъ далѣе, существовали въ началѣ XVII вѣка, и вѣроятно, сняты съ древнѣйшихъ подлинниковъ и прорисей, кои передавали лиценачертанія Господарей Русской земли. Въ Новоспасскомъ монастырѣ храмоздатели сего собора, Цари Михаилъ и Алексѣй изображены на одномъ изъ столповъ храма, всѣ православные державцы Россійскіе отъ Св. Владиміра I до Св. Димитрія Царевича на

(21) Изслѣдованія о Русскомъ иконописаніи, *Г. Сахарова*, кн. 2. Спб. 1849, въ 8.
(22) Описаніе Кіево-Софійскаго собора, соч. *М. Евгенія*, Кіевъ. 1825, въ 4.

сводахъ паперти; а Патріархи Московскіе въ самомъ алтарѣ. Нѣкогда и на внѣшнихъ стѣнахъ верхняго храма въ Крутицкомъ Архіерейскомъ домѣ написаны были Государи Россійскіе, начиная съ Св. В. К. Владиміра I до Св. Царевича Димитрія. Кромѣ св. храмовъ, ликами Государей въ XVI вѣкѣ украшались и Царскія палаты. Въ царствованіе Ѳеодора I стѣны золотой палаты оживлены были изображеніями Ярослава I, Всеволода I, Мономаха въ Царской утвари, Юрія Долгорукова, Александра Невскаго, Даніила Московскаго, Іоанна Калиты, Димитрія Донскаго и его преемниковъ до самаго Ѳеодора I; тамъ ему предстоялъ и правитель Борисъ Годуновъ, изображенный въ шапкѣ мурманкѣ, въ верхней златой одеждѣ на опашку. (23)

Конечно, древнія сіи произведенія стѣнописныя или не дошли до насъ, или дошли, по большей части, записанныя и подновленныя, такъ что первобытныя ихъ черты, или помѣти измѣнились; но онѣ свидѣтельствуютъ намъ объ употребленіи въ древней Россіи портретной живописи, сколь бы опыты ея ни были еще далеки отъ совершенства, и сколь бы памятники ея ни малочисленны. Имѣя цѣлію своей сохранить память благочестивыхъ Государей, она передавала ихъ облики согласно съ преданіемъ лѣтописцевъ и съ миніатюрными ихъ подобіями въ рукописяхъ, насколько доставало искусства древнихъ и старинныхъ зографовъ.

4. Кромѣ живописи, швейное искусство издревле пыталось олицетворять мужей святыхъ и знаменитыхъ; въ этомъ искусствѣ любили упражняться Великія Княжны и Княгини, Царицы и Царевны, которыя произведеніями своими украшали храмы Божіи. Не только на покровахъ надгробныхъ, убрусахъ и пеленахъ, но и на облаченіяхъ церковныхъ швейное искусство изображало ихъ лики. Такъ на Греческомъ саккосѣ Св. Фотія Митрополита, 1410 года, вышиты портреты В. К. Василія Димитріевича и Софіи Витовтовны, съ Русскими надписями. Въ 1611 году Самуилъ Маскѣвичь видѣлъ въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ на стѣнахъ и на покровахъ гробницъ Великокняжескихъ и Царскихъ вышитыя шелками лицевыя ихъ изображенія. (24) Не приводя здѣсь многихъ примѣровъ, укажемъ только на покровы надгробные XV и XVI вѣка въ Троицко-Сергіевой лаврѣ съ

(23) *Карамз.* И. Г. Р. X, 268 и 69.
(24) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, ч. V. Спб. 1834, въ 8, стр. 70.

вышитыми на нихъ изображеніями Преподобнаго Сергія и Никона, также на древніе покровы въ Успенскомъ Соборѣ съ подобіями Московскихъ Святителей, на древнюю пелену раки Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго у Почетн. Гражд. И. Н. Царскаго. Если Европейскими археологами такъ высоко цѣнится коверъ Матильды, супруги Вильгельма завоевателя (the tapestry of Bayeux), не превышающій своимъ искусствомъ произведеній Русскаго вышиванья: то тѣмъ для насъ драгоцѣннѣе древніе наши памятники сего искусства, обновляющіе въ памяти нашей облики мужей святыхъ и великихъ.

Наконецъ слѣдовало бы сказать здѣсь о древнихъ гравированныхъ портретахъ, чеканныхъ и оттиснутыхъ на монетахъ, отлитыхъ на колоколахъ и пушкахъ; но, имѣя цѣлію одно очертательное искусство, мы не касаемся здѣсь ни гравированія, ни обронной работы, ни литейнаго искусства, кои составятъ предметъ особаго сочиненія.

Изъ предъидущаго же открывается, что 1) начало портретнаго искусства восходитъ къ тому времени, когда изъ Византіи перешла въ Россію церковная живопись; 2) что сперва оно старалось сохранять черты святыхъ подвижниковъ вѣры и благочестія, потому и входило въ союзъ съ религіозною жизнію народа; 3) что, по сближеніи Россіи съ Европейскимъ Западомъ, въ XV вѣкѣ, оно получило другое направленіе и значеніе и съ того времени посвящалось на изображеніе не только Святыхъ, но даже духовныхъ и свѣтскихъ особъ, чрезъ то вступило въ связь съ жизнію гражданскою и государственною; 4) что издавно существовалъ на Руси обычай снимать портреты съ усопшихъ и 5) что съ развитіемъ его въ XVII в. по Европейскимъ образцамъ, проникнувъ въ государственную жизнь, получило въ ней политическое значеніе. Съ учрежденіемъ Академіи Художествъ дано портретному искусству художественное направленіе.

Хотя указанныя нами произведенія портретной живописи, болѣе или менѣе отступая отъ типа иконнаго, проявляютъ въ себѣ подражаніе натурѣ; но еще далеко не удовлетворяютъ требованіямъ искусства, сбиваясь на иконный пошибъ и на какой-то заученный маперъ. Напр.: въ портретахъ Царя Ѳеодора I и Князя Михаила Скопина, хотя и выказывается окладъ или обликъ лица; но въ рисункѣ нѣтъ правильности и отчетливости, въ тонахъ легкости, во *внѣшней поставѣ* (позѣ) естественности и живости, въ основныхъ тонахъ лица полнаго выраженія характера и

мимики, а въ драпировкѣ рельефности и мягкости; колоритъ, или вѣрнѣе сказать, раскраска, хотя и не безъ плавкости; но грубъ и холоденъ, единообразенъ въ разцвѣчиваніи лицъ. По видимому, художникъ ограничивался только внѣшнимъ сходствомъ; искусство было для него какъ бы дѣломъ постороннимъ. Между древними портретами произведенія иностранныхъ художниковъ отличаются отъ произведенія Русскихъ правильностію рисунка, тонкостію и теплотою колорита. Сравните портреты В. К. Василія, Царя Ѳеодора и Князя Скопина-Шуйскаго съ портретами посла въ Англію Микулина 1600 года въ главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ и Никона Патріарха въ Воскресенскомъ монастырѣ: съ перваго взгляда разница въ стилѣ очевидна, только замѣчательно, что лицамъ Русскихъ чужестранные художники давали нерѣдко свой національный типъ.

Не смотря на различные недостатки, Русскіе древніе памятники портретной живописи драгоцѣнны для исторіи художествъ, какъ начатки; они въ ней получаютъ неоспоримое право гражданства, важны по костюмамъ и атрибутамъ, кои составляютъ елементъ Археологіи, достопамятны, какъ явленія жизни народной. Наконецъ, передавая, хотя въ неискусныхъ, неловкихъ, но сколько нибудь сходныхъ чертахъ, изображенія мужей Святыхъ и знаменитыхъ въ землѣ Русской, сіи памятники необходимы для художниковъ, посвящающихъ свой талантъ и кисть на олицетвореніе бытій изъ отечественной древности.

ПОРТРЕТЫ

ПАТРІАРХА ФИЛАРЕТА НИКИТИЧА И ВЕЛИКІЯ ИНОКИНИ МАРѲЫ ИВАНОВНЫ.

(Рисун. Отд. IV. № 6.)

Оба сіи портрета, помѣщенные г. Бекетовымъ въ Собраніи Портретовъ знаменитыхъ Россіянъ, 1821 г. давно уже выдаются за изображенія родоначальниковъ царственнаго дома Романовыхъ: Патріарха Филарета Никитича, въ мірѣ Боярина Ѳеодора Никитича и его супруги, великой старицы Марѳы Ивановны изъ роду Шестовыхъ. Ихъ лиценачертанія должны быть драгоцѣнны для всякаго Русскаго, хотябъ онѣ представляли какое нибудь сходство съ этими историческими лицами. Подлинники, съ коихъ сняты сіи портреты, хранятся въ Московской Оружейной Палатѣ; они писаны на холстѣ, въ концѣ XVIII столѣтія, когда по догадкамъ и предположеніямъ нерѣдко давали неподписаннымъ портретамъ произвольныя названія и когда разныя утвари приписывали то одному, то другому знаменитому лицу. На обратной сторонѣ перваго портрета написано по холсту чернилами, позднѣйшаго почерка: *Патріархъ Филаретъ Никитичь,* а подъ нимъ имя художника: *А. Антроповъ, 1772 года.*

Послѣ сего, кажется, никакому сомнѣнію не подлежало бъ имя изображеннаго лица, если бъ не противорѣчила его одежда и утвари, равно несходство съ другими портретами сего Патріарха.

Филаретъ изображенъ въ Царской утвари. На раменахъ его бармы, украшенныя дробницами, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, и опушенныя горностаевымъ мѣхомъ. На немъ кафтанъ съ золотнымъ кружевомъ по распашкѣ. На персяхъ у него панагія съ изображеніемъ Богоматери, какую иногда возлагали на себя и Цари, вмѣсто креста. На головѣ у него нѣтъ ни святительской митры, ни клобука, съ какими обыкновенно писаны были Первосвятители. Но что всего удивительнѣе, волосы на головѣ, борода и усы подстрижены, вопреки правиламъ и обычаямъ. Хотя Патріархи и *поновляли* волосы на головѣ, какъ значится въ дѣлахъ ихъ Приказа; (1) однако, вѣроятно, только гуменце (*παπάλητρα*) согласно съ обычаями Греческихъ священнослужителей и съ правиломъ Кормчей: «главу да подстригаютъ, «рекше сущее на главѣ гуменце.» И такъ Патріархъ Филаретъ, хотя и соправитель и отецъ Царя, не могъ быть изображенъ въ Царской утвари, а тѣмъ болѣе съ подстриженной бородою и усами.

Сличая это изображеніе съ портретами Грузинскихъ Царей Арчила и Ираклія въ селѣ Лысковѣ у Князя Е. А. Грузинскаго, у Царевича И. Г. Грузинскаго, въ Кусковской картинной галлереѣ у Графа Шереметева, находимъ между ними въ нарядѣ и даже въ общихъ чертахъ лица такое сходство, что портретъ, выдаваемый за Филаретовъ, одинаковъ съ изображеніемъ одного изъ Царей Имеретинскихъ. Хотя на оборотѣ портрета въ Кусковской галлереѣ, совершенно похожаго на приложенный здѣсь, написано по холсту старинпымъ почеркомъ: «Филаретъ Никитичъ Па-«тріархъ Московскій, отецъ Царя Михаила Ѳеодоровича»; но слова сіи зачеркнуты и подъ ними написано: *Царь Грузинскій*, а на ярлыкѣ при картинѣ читаете: «Портретъ Царя Грузинскаго Ираклія.» Если это Арчилъ, какъ полагаетъ Г. Муравьевъ: то онъ извѣстенъ въ Москвѣ потому, что въ 1683 году, принятый со всѣмъ родомъ въ подданство Россійское, онъ пріѣзжалъ къ Царю Московскому. Если жъ это дѣйствительно Ираклій, какъ значится и въ надписи и въ домовой описи: то онъ замѣчателенъ для насъ тѣмъ, что, начавъ царствованіе свое въ 1744 году, въ послѣдній разъ, соединилъ Кахетію съ Карталиніей и считался подданнымъ Россійскаго Государства. Какъ бы то ни было, только это не портретъ Патріарха Филарета, какъ обнаруживаетъ и самая одежда. На портретѣ въ Кусковской галлереѣ онъ изображенъ

(1) «Старецъ Иларіонъ поновилъ Патріарху волосы на головѣ.» *Дѣла Казен. Патр. Приказа*, 7178 г. № 86 (562).

не поясной, какъ въ Оружейной Палатѣ, но почти колѣнчатой; шуба на немъ, подбитая мѣхомъ, надѣта на роспахъ. Сличая нарядъ его съ описаніемъ костюма Имеретинскаго Царя Александра въ Толочановомъ статейномъ спискѣ 1650 года, мы не можемъ не замѣтить сходства между тѣмъ и другимъ. « Платье на « Царѣ , пишетъ Русскій посолъ , « было кафтанъ долгій , камка золотная « кружевомъ , нашивка низана , пуговицы золотыя съ искры алмазными, у « кафтана же ожерельице низано бурмицкимъ жемчугомъ большимъ на дву « нитяхъ, по кафтану подпоясанъ тесьмою , по ней запоны золоты съ ка- « меньемъ искры яхонтовыя и изумрудныя ... по верьхъ кафтана шуба, « камка золотная на соболяхъ, на крыло застегнута въ одну завязку, да на « Александрѣ же Царѣ на персѣхъ крестъ золотъ большой съ мощами, на « золотой цѣпи, на головѣ вѣнецъ съ городы безъ опушки, о семи верхахъ и т. д. (2)

Что жъ касается до портрета Великой инокини Мароы Ивановны , въ мірѣ Ксеніи, то костюмъ на ней не монашескій, а мірской , какой употребителенъ былъ въ XVII вѣкѣ на Руси. Кромѣ четокъ , на пальцахъ руки, держащей костыль, видны два перстня. На лицѣ ея замѣтны черты глубокой старости , до какой ее преждевременно довели испытанныя ею горести въ царствованіе Годунова и въ смутную годину Московскаго Государства. Въ такомъ видѣ обыкновенно изображаютъ извѣстные намъ портреты родительницу Царя Михаила Θеодоровича, скончавшуюся за два года прежде Патріарха Филарета, 1631 года, Января 27, и погребенную въ Новоспасскомъ монастырѣ среди своихъ родственниковъ—«свѣтлѣйшихъ Царскихъ родителей.»

(2) Древняя Росс. Вивліоθика, изд. 2, ч. V.

ОДЕЖДА ЦАРСКАЯ XVI ВѢКА.

(Рисун. Отд. IV. № 7.)

Хотя въ надписи нарядъ двухъ изображенныхъ здѣсь Государей Россійскихъ, Алексѣя Михайловича и сына его Петра I, отнесенъ къ XVI и XVII столѣтіямъ; но оба они собственно принадлежатъ къ XVII столѣтію, а послѣдній, означенный именемъ Петра Великаго, есть никто иной, какъ Бояринъ Левъ Нарышкинъ, о которомъ будетъ сказано ниже. По сему остается упомянуть здѣсь о первомъ т. е. о Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Его изображеніе написано г. Солнцевымъ согласно съ современными сему Государю портретами и свидѣтельствами иностранныхъ писателей. Царь представленъ въ полной Царской утвари. На головѣ его шапка большаго наряда, на персяхъ его св. бармы и крестъ, въ рукахъ у него скипетръ и держава. Становой его кафтанъ, или платно изъ аксамита, украшенный драгоцѣнными каменьями и жемчугами.

Съ изображеніемъ его любопытно будетъ сравнить примѣты лица его, переданныя намъ очевидцами: Агличаниномъ Сам. Коллинсомъ 1658 г., Нѣмцами Мейербергомъ 1661 г. и Рейтенфельсомъ 1670 г. Первый такъ описываетъ Московскаго Царя: «Онъ красивый мущина, ростомъ около «6 футовъ, статенъ, больше дороденъ, чѣмъ худощавъ, здороваго сло«женія, волосы свѣтлорусые, а лобъ немного низкій. Его видъ суровъ; «но взоръ его величественъ, станъ красивъ, борода окладиста; волосы, по «обычаю, обстрижены въ кружокъ, такъ что уши совершенно открыты.»

Почти въ тѣхъ же чертахъ представляется Царь Алексѣй у Мейерберга: « станъ его строенъ, взоръ нѣженъ, тѣло бѣлое, щеки румяныя, волосы бѣло« курые, борода окладистая; но Царь гораздо дороднѣе, нежели какъ бы « слѣдовало ему быть по лѣтамъ его. » Послѣдній свидѣтельствуетъ, что « Царь Алексѣй Михайловичь росту средняго, лице имѣетъ полное, нѣсколько « красноватое, тѣло довольно тучное, волоса цвѣту средняго между чернымъ « и рыжимъ, глаза голубые, поступь величавую; на лицѣ его выражается « строгость вмѣстѣ съ милостію; взглядомъ своимъ онъ внушаетъ каждому « надежду, никогда не возбуждая страха. » Такъ изобразили намъ иностранцы распространителя и законодателя Россіи, покровителя наукъ и ремеслъ! Во Франціи 1667 г. на вопросъ Дюка де Лиріо о наружности Московскаго Царя Русскій посланникъ Потемкинъ отвѣчалъ: « Его Царское Величество « нынѣ въ совершенномъ возрастѣ, 40 лѣтъ, а дородствомъ, разумомъ, « красотою лица, милосердымъ нравомъ и всѣми благими годностями Все« могущій Богъ украсилъ его, Великаго Государя нашего, хваламъ до« стойнаго паче всѣхъ людей. »

Одни изъ лучшихъ, современныхъ Царю Алексѣю Михайловичу портретовъ находятся: въ С. Петербургѣ въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца, писанный Голландцемъ на холстѣ, и миніатюрный на бумагѣ, въ рукописи Совѣтника Священно-Цесарскаго и Королевскаго Величества Леопольда I и Геральда Священно-Римскаго Государства Лаврентія Хурелича. Рукопись сія съ миніатюрами поднесена была авторомъ Царю Алексѣю.

Изъ гравированныхъ портретовъ сего Государя извѣстны:

1) При Уложеніи, изд. 1737 года съ надписью внизу:

Алексѣй Михайловичь, Царь и Самодержецъ Всероссійскій, родился Марта 9 дня, 1629. Взошелъ на престолъ въ 1645, а скончался по 31 лѣтнемъ владѣніи, въ 1676 году Февраля 8 дня. Alexe Michailowicz Czaar und Selbstbeherscher von gantz Russland, geboren d. 9 Marty 1629 folgt Seinem Herrn Vater in der Regierung 1645, die Er auch Selbst nach 31 Jahren 1676 d. 8 February durch den Todt beschliesset.

Въ другихъ екземплярахъ Уложенія находится портретъ особой гравировки, съ Русскою подписью имени Царя, еще другой съ означеніемъ. Wortmann direx. Mattarnovi; sculps. 1736.

Къ 6 изданію Уложенія 1788 г. приложенъ портретъ, гравированный грубѣе прочихъ.

2) Въ книгѣ: Elogii di capitani illustri, Venet. 1683 г. находятся также портреты Царей Михаила Ѳеодоровича и сына его Алексѣя.

3) Въ Собраніи портретовъ, издан. въ концѣ XVIII столѣтія Лейденскимъ книгопродавцемъ Петромъ Ванъ деръ Аа.

4) Въ числѣ портретовъ Царственнаго дома Романовыхъ, изд. Бенкеромъ.

5) Между портретами Россійскихъ Государей, гравир. въ Лондонѣ 1800 г. І. Чепменомъ.

6) Къ Историческому описанію одеждъ и вооруженія Россійскихъ войскъ, ч. І. приложено изображеніе Царя Алексѣя Михайловича, снятое съ его портрета въ Императорскомъ Ермитажѣ.

Изображенія Огненника и Стрѣльца заимствованы изъ картинъ возведенія на престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича. Огненники, или пламенники, вѣроятно, получили сіе названіе отъ краснаго платья, какое они надѣвали сверхъ кафтана, или отъ жезла съ наконечникомъ въ видѣ пламени (flammula). Подобный носили предъ западными Императорами. (1) На головѣ у огненниковъ былъ родъ краснаго шишака, въ рукахъ жезлы съ наконечникомъ. Служители сіи употреблялись въ духовныхъ церемоніяхъ въ Успенскомъ соборѣ. Такъ при поставленіи Патріарха Филарета было 12 огненниковъ, изъ нихъ шесть стояли у нареченнаго Святителя, а шесть охраняли его единоглавецъ, т. е. орлецъ Святительскій, чтобы никто не наступилъ на него. Огненники не встрѣчаются ни въ Пименовомъ описаніи вѣнчанія Греческихъ Императоровъ, (2) ни при коронаціи первыхъ Царей Русскихъ; но являются, въ первый разъ, при коронаціи Царя Михаила Ѳеодоровича и при поставленіи его отца Филарета въ Патріархи.

Не менѣе замѣчательно оборонительное и наступательное оружіе стрѣльца въ началѣ XVII вѣка. Здѣсь представленъ стрѣлецъ въ служиломъ платьѣ краснаго цвѣта, похожемъ на ферезь, только съ отложнымъ воротникомъ, съ петлицами и съ откидными назадъ рукавами. Голова у стрѣльца защищена шишакомъ или шапкою съ наушками и крюкомъ, опушенною мѣхомъ. Къ берендейкѣ, или перевязи черезъ плечо привѣшенъ рогъ съ порохомъ и

(1) *Ducangii* glossarium mediæ et infimæ Latinitatis, v. flamma, flammula, flammigeri; cardinales clari.

(2) *Карамз.* И. Г. Р. V, пр. 133.

кожаная сумка съ пулями, пыжами и прочимъ снарядомъ. На рукѣ, которою онъ держитъ самопалъ съ бердышемъ, виситъ на темлякѣ подсошка, т. е. подставка съ развилиною. Къ кожаному поясу, перехватывающему платье, прицѣплена сабля. Такова одежда и вооруженіе пѣшихъ стрѣльцовъ, кои разнились отъ стремянныхъ или конныхъ цвѣтомъ служилаго платья и самымъ оружіемъ. См. Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, съ рисунками, составленное по Высочайшему повелѣнію, ч. I. Спб. 1841, въ 4.

ОДЕЖДА ЦАРСКАЯ XVII ВѢКА.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ЦАРЯ ѲЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

(Рисун. Отд. IV. № 8.)

Приложенные здѣсь два портрета Царя Ѳеодора Алексѣевича во весь ростъ, писаны, одинъ масляными красками на холстѣ, вышиною 3 арш. безъ 2 вершк. шириною 1 арш. $8\frac{1}{2}$ верш.; другой яичными красками по левкасу, на доскѣ. Первый хранится въ Московской Оружейной Палатѣ; второй въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ. На оборотѣ перваго портрета по холсту написано чернилами: «Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь.» На этомъ изображеніи видѣнъ возмужалый Царь, съ длинными прямыми усами и небольшой густою бородой, полный жизни и силы, тогда какъ, по свидѣтельству современниковъ Ѳеодора, «отъ самой юности онъ былъ слабъ и разстроенъ здоровьемъ,» что даже Мальгинъ въ Зерцалѣ Россійскихъ Государей, отличаетъ сего Царя названіемъ *Чахлаго,* или *Чахотнаго.* (1) Окладомъ лица Ѳеодоръ не похожъ на другое изображеніе, здѣсь приложенное; костюмами своими они также разнятся между собою. На немъ кафтанъ съ дорогами и поясомъ, усѣянный драгоцѣнными камнями; на подолѣ съ лѣвой стороны у кафтана прорамка, или шпитцъ. Утварь сія, какъ видно, богатѣйшая изъ хранившихся на Казенномъ дворѣ. Голова Царя украшена двойною короной съ крестомъ на верху; на пальцахъ одной руки

(1) См. у *Арцыбышева* Повѣствованіе о Россіи, III, 188.

два, а на второй три перстня, какіе надѣвали Государи въ большихъ выходахъ. (2)

Во внѣшней его поставѣ выражается Царское величіе и сановитость. Лѣвою рукой онъ опирается на столъ, покрытый тканью краснаго цвѣта, а въ правой держитъ четвероконечный крестъ, съ какимъ изображаются Византійскіе Императоры въ знакъ вѣрности своей І. Христу. (3) Изъ примѣра В. К. Всеволода Юрьевича обнаруживается, что Великіе Князья наслѣдникамъ своимъ вручали крестъ и мечь. Такъ поставляя старшаго своего сына Константина на Княженіе въ Новгородъ, онъ вручилъ ему честный крестъ и мечь съ слѣдующими словами, переданными намъ въ лѣтописи: « се ти буди схранникъ, а мечь прещенье и опасенье. » (4) При торжественныхъ случаяхъ и выходахъ державцы Русской земли являлись съ крестомъ не только на персяхъ, но и въ рукѣ, какъ залогомъ *непобѣдимыя побѣды, оружіемъ мира* и вмѣстѣ напоминаніемъ о присягѣ союзниковъ, подручниковъ и подданныхъ, которые имъ цѣловали крестъ. Примѣры тому найдемъ въ событіяхъ отечественной Исторіи и лицевыхъ изображеніяхъ. Такъ ослѣпленный Василько въ 1099 году явился на поле битвы съ крестомъ въ рукахъ. « Клятвопреступникъ! — воскликнулъ онъ къ Святополку, — « видишь ли мстителя? Святый крестъ да будетъ между нами судіею ! » Съ крестомъ Василій Шуйскій, вскорѣ послѣ умерщвленія Самозванца, 1606 года, (5) вступилъ въ Кремль, а Царь Алексѣй Михайловичь изъ Литовскаго похода имѣлъ также торжественное шествіе въ Москву, какъ побѣдитель, съ крестомъ въ рукѣ, съ какимъ онъ изображенъ на современномъ ему портретѣ въ Спб. Романовской галлереѣ. Съ крестомъ въ рукахъ написаны на стѣнахъ церковныхъ и на древнихъ портретахъ Великіе Князья и Цари.

Къ наряду Царя принадлежатъ красные остроносые сапоги, вѣроятно, изъ *хуза* или сафьяна; подобные видны на Князьяхъ, на миніатюрной картинѣ Святославова Изборника.

Какъ въ доличномъ, такъ особенно въ лицевомъ выказывается ловкость и отработка кисти художника, по видимому, иностранца. Чтожъ касается

(2) Выходы Государей Царей Михаила, Алексѣя и Θеодора, изд. *П. Строева*, М. 1844, въ 4, въ Указателѣ см. *Перстни*.
(3) *G. Codini* ceremoniale aulæ Byzantinæ, c. VI.
(4) *Карамз.* И. Г. Р. III, пр. 117.
(5) *Карамз.* И. Г. Р. XI, 292.

до движенія, то, какъ говорятъ живописцы, «фигура не стоитъ.» Изъ дѣлъ о Царскихъ зографахъ XVII в. открывается, что иногда лицевое писалъ одинъ, а доличное другой художникъ: различіе пріемовъ замѣтно и въ этомъ портретѣ.

Хотя по новымъ описямъ Оружейной Палаты, сей портретъ изображаетъ Царя Ѳеодора Алексѣевича; но, по сличенію его съ другими портретами сего Государя, обнаруживается въ нихъ разница; здѣсь обликомъ Ѳеодоръ болѣе походитъ на Царя Михаила Ѳеодоровича, изображеннаго въ путешествіи Олеарія, Шлезвигскаго изд. 1647 г. и въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

ПОРТРЕТЫ

ЦАРЯ ІОАННА АЛЕКСѢЕВИЧА, ЦАРЕВНЫ МАРГАРИТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ

и

ЦАРИЦЫ ЕВДОКІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

(Рисун. Отд. IV. № 9.)

Эти портреты сняты съ хранящихся въ Московской Оружейной Палатѣ портретовъ писанныхъ масляными красками въ XVII столѣтіи.

Первый олицетворяетъ намъ сына Царя Алексѣя Михайловича, Іоанна. Сей Царевичь, съ 1682 года Царь, скончался 1696 года, Января 29, на 30 году отъ рожденія. По сказанію современныхъ ему писателей, онъ былъ « весьма слабаго здоровья, болѣнъ глазами и близорукъ. » (1) Блѣдное, болѣзненное лице его на портретѣ подтверждаетъ это свидѣтельство. Іоаннъ изображенъ въ бронѣ, сверхъ коей надѣта шуба въ роспахъ, застегнутая на груди запоною изъ драгоцѣнныхъ камней. Предъ нимъ лежитъ на столѣ корона Царская. Съ портрета сего Царя, хранящагося въ Кунсткамерѣ Академіи Наукъ, приложенъ литографированный противень къ Истор. описанію одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, ч. I. Спб. 1841, въ 4.

На другомъ портретѣ изображена дочь Царя Алексѣя Михайловича, Марѳа, въ инокиняхъ Маргарита, скончавшаяся 1707 года, Іюля 19, на 55 году отъ рожденія. (2) Она погребена въ усыпальницѣ Александровскаго Успен-

(1) *Арцыбышева* повѣствованіе о Россіи, III.

(2) Этотъ годъ кончины показанъ въ Указателѣ къ Выходнымъ книгамъ, изд. г. *Строева;* но у г. *Шевырева* въ Путешествіи — 1697 г.

скаго монастыря, гдѣ надъ гробницею поставленъ портретъ сей Царевны, по свидѣтельству Профессора Шевырева, «имѣющій большое сходство «съ Петромъ Великимъ и Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ!» (2) Но на приложенномъ здѣсь портретѣ не видно такого сходства ни съ отцемъ, ни съ братомъ. Царевна изображена въ свѣтскомъ нарядѣ, по обычаю своего вѣка: голова у ней покрыта треухомъ, или шапкою съ собольимъ околышемъ; подъ нимъ обыкновенно висѣлъ подзатыльникъ, низанный жемчугомъ. Шуба на ней съ отложнымъ собольимъ воротникомъ и запоною на груди.

Третій портретъ представляетъ первую супругу Петра I, Евдокію Ѳеодоровну изъ роду Лопухиныхъ, дочь Иларіона Абрамовича, который, по древнему обычаю, съ возведеніемъ его въ чинъ боярина, переименованъ былъ Ѳеодоромъ, а Царская невѣста Параскевія, его дочь—Евдокіею. (3) Судьба сей Царицы извѣстна изъ исторіи Петра I, писанной подъ его вліяніемъ. Здѣсь видимъ Евдокію, въ инокиняхъ Елену, въ одѣяніи невольной черницы, которое она носила около 30 лѣтъ, съ 1689 по 1727 года, переводимая изъ монастыря въ монастырь, подъ строгимъ надзоромъ, какъ преступница. Забытая всѣми, она достигла 58 году своей жизни. Но съ возшествіемъ на престолъ своего внука Петра II, Елена, получивъ свободу, изъ Успенскаго Ладожскаго монастыря переѣхала въ Москву и тамъ замѣнила иноческую ризу Царскою одеждою; для нея опредѣленъ былъ особый придворный штатъ. (4) Она пережила коронованіе, обрученіе и преждевременную кончину своего внука; преставилась 1731 года, Августа 27 дня, на 62 году своей жизни и погребена въ соборной церкви Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря.

(2) Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоезерскій монастырь. ч. 1, стр. 44.

(3) Росс. Магазинъ *Туманскаго*, ч. 2, стр. 393. Ср. статью IV *М. Евгенія* о личныхъ собственныхъ именахъ у Славяноруссовъ, ч. III, I. Трудовъ и записокъ Общества Ист. и Др. Россіи.

(4) Царствованіе Петра II, сочин. *К. Арсеньева*. Спб. 1839, въ 8.

ОДЕЖДЫ ЦАРИЦЪ

СЪ ПОРТРЕТАМИ

ЕВДОКІИ ЛУКЬЯНОВНЫ И НАТАЛІИ КИРИЛОВНЫ.

(Рисун. Отд. IV. № 10.)

Сими портретами обновляются въ памяти нашей: вторая супруга Царя Михаила Ѳеодоровича и вторая же супруга Царя Алексѣя Михайловича, матерь Петра I.

Евдокія, какъ извѣстно, дочь Лукьяна Степановича Стрешнева, коего предки при В. К. Іоаннѣ III выѣхали изъ Польши въ Россію. (1) Она вступила въ бракъ съ Царемъ 1626 года, скончалась 1645 года. Изображеніе ея и нарядъ заимствованы г-мъ Солнцевымъ изъ лицеваго описанія бракосочетанія ея съ Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. (2) Другой портретъ Евдокіи Лукьяновны, писанный на холстѣ и сходный съ первымъ въ чертахъ лица, хранится около ста лѣтъ въ домѣ послѣдней отрасли Стрешневыхъ, Ѳ. П. Глѣбова-Стрешнева. Какъ видно изъ надписи на оборотѣ, онъ « снятъ съ изображенія Царицы, находившагося въ домѣ Князя Вяземскаго. » Здѣсь Евдокія изображена въ Царскомъ одѣяніи, въ коронѣ *съ городы,* (3) съ ширин-

(1) Старобытный родъ Господъ Стрешневыхъ, рукоп. скороп. XVIII столѣт. въ 4. Изъ библіот. г. Стрешневыхъ.

(2) Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1626 году Февраля 5, при бракосочетаніи Государя Царя и В. К. Михаила Ѳеодоровича съ Государынею Царицею Евдокіею Лукьяновною изъ рода Стрешневыхъ. М. 1810, въ 4.

(3) Вотъ и подлинное описаніе вѣнца и коруны Царицы Евдокіи Лукьяновны: « Вѣнецъ теремчатъ о десяти верхѣхъ, дѣланъ по золотой цкѣ, травы прорезные съ финифты съ розными, а въ вѣнцѣ въ нижнихъ теремахъ въ золотыхъ гнѣздехъ три яхонта червчаты гране-

кою въ рукахъ. На ея портретѣ у г. Глѣбова-Стрешнева, сверхъ Царскаго кафтана, на ней аксамитная шуба на горностаевомъ мѣху, застегнутая на груди запоною.

Дочь Кирилла Полуехтовича (Полѵевктовича) Нарышкина, Наталія, съ 1671 года супруга Царская, скончавшаяся 1694 г. Января 25, изображена здѣсь въ ѣздовомъ платьѣ: на ней тѣлогрѣя аксамитная, шуба соболья, крытая бархатомъ, на головѣ треухъ, на ногахъ красные сафьяные башмаки. Если портреты сіи не вполнѣ передаютъ намъ окладъ и черты лица согласно съ описаніями: въ замѣнъ того, они знакомятъ насъ съ костюмомъ Русскихъ Царицъ въ XVII вѣкѣ.

Мать Петра I, Царицу Наталью Кириловну такъ описываетъ намъ видѣвшій ее Рейтенфелсъ: «эта женщина въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, росту «величаваго, съ черными глазами на выкатѣ; ротъ у нея круглый, чело «высокое, во всѣхъ членахъ изящная соразмѣрность.» (4)

ны, да три яхонта лазоревы, да четыре изумруда гранены, да въ верхнихъ теремахъ въ золотыхъ же гнѣздехъ четыре яхонта червчатыхъ, да три яхонта лазоревы, да три изумруда четвероугольны; около верхнихъ и нижнихъ теремовъ и на низу обнизано жемчугомъ; поверхъ теремовъ на спняхъ десять зеренъ гурмыцкихъ; подложенъ тафтою червчатою; косникъ цка серебрена золочена, ворворка низана жемчугомъ, кисть шолкъ.... съ золотомъ; и тотъ косникъ прилаженъ Царевны и Великой Княжны Анны Михайловны къ корунѣ.» *Опись Арх. Оруж. Пал.* № 673 съ 139 по 148 годъ, листъ 17. «Коруна нѣмецкое дѣло, дѣлана по цкѣ серебреной золоченой низана жемчугомъ большимъ и середнимъ съ городы; межъ жемчугу двадцать четыре репьи золоты сѣнчаты съ финифты съ лазоревыми да съ бѣлыми, подложена тафтою алою; а дѣлали тою коруну въ Царицынѣ въ мастерской полатѣ Нѣмцы во рмд году. Да къ той же коронѣ приложенъ косникъ, цка серебрена золочена, ворворка низана жемчугомъ, кисть шолкова золотая, рме года, Іюля въ аі день. Сею корону къ Царевнѣ и Великой Княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ въ хоромы приняла боярыня Княжня Марфа Пронская, а изъ хоромъ тою корону выдала казначея Афросинья Волкова и въ той коронѣ блиско косника нѣтъ зерна жемчужнова.» *Опись* № 673, листъ 19.

(4) De rebus Moscoviticis. Patavii. 1680, in 4.

ПОРТРЕТЫ

БОРИСА ГОДУНОВА, ВЛАСЬЕВА И ПОТЕМКИНА.

(Рисун. Отд. IV. № 11.)

Всѣ сіи изображенія трехъ лицъ историческихъ сколько любопытны по своимъ костюмамъ, или доличному, столько же замѣчательны по физіогноміи, особливо два послѣднія — Власьева и Потемкина, снятыя съ современныхъ имъ портретовъ. Въ обликѣ ихъ рѣзко проявляется характеръ, какимъ ознаменована ихъ дѣятельность на дипломатическомъ поприщѣ.

Излишнимъ здѣсь почитаемъ говорить о Борисѣ Годуновѣ, котораго свѣтлая и темная сторона раскрыта въ исторіи внѣшней и внутренней его жизни. Наружность его такъ описываетъ Кубасовъ въ Хронографѣ своемъ: « благо« лѣпіемъ цвѣтущи, образомъ своимъ множество людей превзошелъ, возрасту « посредство имѣя, мужъ зѣло чуденъ и сладкорѣчивъ, вельми благовѣренъ и « трудолюбивъ » и т. д. « Бысть же Борисъ, говоритъ Морозовскій лѣто« писецъ, » одаренъ отъ Бога возрастомъ и человѣчествомъ и умомъ паче « всѣхъ человѣкъ, и никто же бѣ ему отъ Царскаго синклита подобенъ во « благолѣпіи лица его. » (1) Борисъ, кончившій жизнь свою на 53 году отъ рожденія, долженъ быть изображенъ еще не старымъ. Хотя до насъ не дошло современнаго ему портрета; но есть позднѣйшіе, напр.: въ Кунст-

(1) *Карамз.* И. Г. Р. X, пр. 13.

камерѣ Академіи наукъ (2) и въ Главномъ Архивѣ Минист. иностр. дѣлъ. Къ нимъ принадлежитъ и воспроизведенный здѣсь г. Солнцевымъ съ стараго рисунка, хранившагося у А. Н. Оленина; но они не проявляютъ того «благолѣпія лица,» о коемъ говоритъ лѣтописецъ. Одежда на Годуновѣ состоитъ изъ полукафтанья съ длинными рукавами и петлицами на груди; сверхъ сего надѣта ферезь съ короткими рукавами, подпоясанная Персидскимъ кушакомъ. Художникъ изобразилъ Годунова, не какъ еще Царя, но какъ ближняго великаго боярина, съ шапкою (мурманкою) въ рукахъ, съ какою онъ написанъ былъ въ золотой палатѣ.

Портретъ же современника его, думнаго дьяка Аѳанасья Власьева заимствованъ изъ хроники Гвагнина, гдѣ, между текстомъ, вставленъ политипажь сего портрета, вырѣзанный на деревѣ. (3) Етотъ первый дѣлецъ государственный, слуга и предатель Годунова, потомъ клевретъ Отрепьева, является дѣятелемъ въ исторіи того и другаго: то посланецъ отъ перваго въ Польшу къ Сигизмунду III для заключенія перемирія, то гонецъ къ Нѣмецкому Императору Рудольфу II съ извѣстіемъ о воцареніи Годунова. Власьевъ въ 1605 г. съ Князьями Воротынскимъ и Телятевскимъ, съ Бояриномъ Шереметевымъ цѣлуетъ крестъ Самозванцу, который отправляетъ его, въ званіи Великаго Секретаря и Подскарбія, за Мариною Мнишехъ. (4) Съ нею Власьевъ обручается отъ имени Лжедимитрія. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ видна изворотливость ума и коварство души, съ какими онъ обращалъ въ свою пользу обстоятельства времени. Въ наказѣ Посламъ къ Литвѣ онъ названъ «воромъ, «разорителемъ христіанства, совѣтникомъ вору Отрепьеву.» Василій Шуйскій удалилъ Власьева въ Уфу на воеводство.

Для Исторіи смутнаго времени Россіи важенъ характеръ сего дѣльца, для Археологіи любопытенъ его костюмъ. На Власьевѣ изображенъ кафтанъ съ жемчужными застежками и съ аламомъ, т. е. стоячимъ воротникомъ, или козыремъ. На головѣ его у него татарская ярмолка, или тафья, украшенная жемчугомъ. Подобныя тафьи носили при Іоаннѣ IV опричники и, не снимая ихъ съ головы, входили даже въ церковь и сопровождали крестныя шествія. При описаніи Русскихъ обычаевъ, Флетчеръ говоритъ, что Русскіе богачи носятъ на головѣ подъ шапкою скуфью, вышитую золотомъ и шелками съ

(2) Рисунки къ истор. описанію одежды и вооруженія Росс. войскъ, ч. I.
(3) *Alex. Gwagnini* Kronika W. K. Moskiewskiego. Krakow. 1611, in-f.
(4) *Карамз.* И. Г. Р. XI, 202, 235.

жемчугомъ.» По опредѣленіемъ Стоглаваго собора запрещено было входить въ храмъ Божій въ тафьяхъ мусульманскихъ, противъ коихъ сильно возставалъ св. Филиппъ II Митрополитъ. Такая тафья украшала голову Власьева, когда онъ былъ въ Польшѣ, какъ дипломатическій чиновникъ и повѣренный Самозванца.

Разительную противоположность представляетъ намъ характеръ Стольника Петра Ивановича Потемкина. Этотъ Русскій дипломатъ, отправленный въ качествѣ посланника отъ Царя Алексѣя Михаиловича 1667 года, въ Испанію и Францію, а 1680 года отъ Царей Іоанна и Петра въ Англію, отличился смѣтливостію ума и твердостью духа, съ какими онъ отстаивалъ честь своего Государя, какъ вѣрный его подданный. Когда Испанскіе министры не соглашались вручить ему отвѣтную грамоту въ присутствіи Короля и хотѣли прислать ее на Посольскій дворъ, тогда неуступчивый Потемкинъ сказалъ имъ: «Мимо Короля, мы ни отъ кого не примемъ грамоты къ Великому Государю нашему и готовы за честь Его Царскаго Величества претерпѣть всякаго рода гоненія и даже самую смерть.» (5) Гордые Испанцы должны были уступить настойчивому требованію Русскаго посла. Онъ принудилъ Испанскаго и Французскаго Королей снять шляпу при возглашеніи титула Русскаго Царя. Когда Датскій Король Фридрихъ III, за болѣзнію своей, отказался принять Потемкина: тогда Русскій посолъ требовалъ, чтобы ему поставили постель у постели Короля для переговоровъ съ нимъ. Въ Парижѣ Потемкинъ подружился съ Маршаломъ Бельфономъ и подарилъ ему свою шапку «бархатную двоемохрую съ соболемъ, запона на ней съ каменьемъ, петли жемчужныя;» а отъ Маршала въ обмѣнъ взялъ шапку его, на которой «запоны никакой не было.» (6)

Знакомъ уваженія Англичанъ къ Потемкину можно почитать его поколѣнный портретъ, писанный Инглеромъ въ Лондонѣ и гравированный тамъ Вайтомъ 1680 года.

Съ перваго портрета снятъ и приложенный здѣсь подлинникъ, писанный на холстѣ масляными красками, вышиною 1 ар. 14 верш. шириною $1\frac{1}{2}$ ар. онъ хранится въ Московской Оружейной Палатѣ. На обратной сторонѣ его написано чернилами: «Петръ Ивановичь Потемкинъ, бывшій посланникомъ въ Лондонѣ 1682 г. Изъ Мраморнаго дворца.»

(5) Древняя Росс. Вивліоѳ. ч. IV, 421
(6) Словарь достопам. людей земли Русс. соч. *Д. Н. Бантышъ-Каменскаго,* ч. IV. М. 1836, въ 8.

Въ чертахъ лица художнику удалось выразить смѣтливость и смышленость Русскаго бывалаго человѣка, то величіе духа и настойчивость характера, какія онъ проявлялъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Сверхъ травчатой ферези, подпоясанной тесмою съ пряжкою, на Потемкинѣ ѣздовая шуба на распахъ, съ откидными рукавами; на покрышкѣ ея нашивки съ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; на бедрѣ у него виситъ кортикъ, въ рукѣ онъ держитъ трость. Шапка его съ собольимъ околышемъ украшена богатою запоною, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, изъ коихъ состоитъ перо, служившее убранствомъ ѣздовыхъ шапокъ. (7) Въ такомъ великолѣпіи костюма изображенъ нашъ Русскій посолъ XVII вѣка, который при дворахъ Датскомъ, Испанскомъ, Французскомъ и Англинскомъ представлялъ лице Русскаго Царя.

(7) см. Указатель къ Выходнымъ книгамъ, изд. *П. Строевымъ*. М. 1844, въ 4.

ОДЕЖДА ЦАРСКАЯ,

ИЗОБРАЖЕНІЕ ЦАРЯ ѲЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

(Рисун. Отд. IV. № 12.)

Этотъ портретъ, писанный на доскѣ, поставленъ на лѣвомъ столпѣ въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ, противъ гробницы Царя Ѳеодора Алексѣевича. Въ немъ достойны вниманія: лицевое, вѣнецъ Святыхъ сверхъ Царскаго вѣнца, доличное, или Царская утварь, Мономахова шапка, бармы, крестъ Петровъ на персяхъ, скипетръ и держава, становой кафтанъ и самыя надписи въ клеймахъ. Въ лицевомъ и доличномъ обнаруживается замѣчательное различіе съ первымъ портретомъ Ѳеодора; здѣсь, какъ мы замѣтили, онъ юный и слабый здоровьемъ, тамъ возмужалый, полный жизни; здѣсь онъ въ становомъ кафтанѣ и діадимѣ, съ державою и скипетромъ въ рукахъ, а тамъ съ крестомъ. По видимому, первый портретъ (если только онъ изображаетъ Ѳеодора II?) писанъ при жизни сего Государя, который, по надписи, кончилъ жизнь свою на 22 году; ибо онъ родился 1661 г. Мая 30, вступилъ на престолъ 1676 г. Января 30 и скончался 1682 г. Апрѣля 27. (1) Такимъ образомъ этотъ портретъ достовѣрнѣе перваго. Судя же по вѣнцу Святыхъ, онъ писанъ не при жизни, а по смерти Царя Ѳеодора Алексѣевича, и можетъ статься, съ усопшаго, по принятому обычаю, о коемъ мы прежде сказали. Чтожъ касается до рисунка и колорита, то первый въ планахъ и тонахъ отчетливъ, другой нѣженъ и не безъ теплоты. Такъ какъ изъ

(1) Но въ родословіи Романовыхъ: на 26 году. Ср. Выходы Царей Михаила, Алексѣя и Ѳеодора. М. 1844, въ 4.

дѣлъ объ иконописцахъ и зографахъ открывается, что не рѣдко лицевое писалъ одинъ, а доличное другой: то, по видимому, и здѣсь лицевое и доличное произведено разными художниками Мастерской Палаты. Въ отношеніи къ искусству, сей памятникъ портретной живописи есть лучшій въ Царской усыпальницѣ. Къ чертамъ лица приложены и достопамятныя черты жизни Царя Ѳеодора въ слѣдующихъ надписяхъ палимпсестомъ:

А. «Сей его же здѣ образъ и гробъ зрите, Благочестивѣйшій Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, по отцѣ своемъ великославныя памяти, Благочестивѣйшемъ Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Алексіи Михайловиче, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцѣ, восприя скипетродержавство Царства Россійскаго въ 15 лѣто: бѣ отъ царствующаго всеми Царя Бога небеснаго, яко рабъ его любезный и по сердцу его избранный, одаренный постоянствомъ Царскимъ незыблемымъ, благоговенствомъ христіянскимъ истиннымъ, бодростію по службѣ Божіей, долготерпѣніемъ и милосердіемъ дивнымъ, и въ рѣсноту рещи можно, яко сей бѣ престолъ мудрости, совѣта сокровище, царскихъ и гражданскихъ уставовъ—охраненіе и укрѣпленіе, преніямъ рѣшеніе, царству Россійскому утвержденіе, сокращеніе еже реку: то ему любезно бяше, что мать нашу православную Церковь увеселяше; міръ, тишину и всякое народу благополученіе умножаше; и во всемъ его царскомъ житіи не обреташеся таковое время, »

Б. « О нем же бы ему всему православію памяти достойнаго и Церкви полезнаго дѣла не содѣлати. К тому же неприятѣлемъ Россійскаго Царствія бѣ страшенъ, в побѣдахъ щасливъ, народу любезенъ. Сей отъ многолѣтныхъ окрестнымъ браней царству Россійскому миръ достохвальный содѣла; ис тмы махометанства і идолопоклонства множество не нуждою, но христіянскимъ благочестнымъ промысломъ во свѣтъ православныя вѣры привѣде православныхъ христіянъ, иже бяху Махометаномъ подданныи, многая села и деревни отъ ихъ подданства свободи і изъ бусурманскаго плѣна много лѣтъ тамо страждущихъ многое число православныхъ христіанъ искупи. Многи церкви Божія пречудне всякимъ благолѣпіемъ украси, а на ученіи свободныхъ мудростей Россійска народа присно промышляше, и манастырь Спаскій, иже во градѣ Китаи, на то ученіе опредѣли, и чудную

и весьма похвалы достойную свою царскую утвердительную грамоту, со всякимъ опаснымъ вѣры охраненіемъ, на то ученіе написа.»

В. «Домы каменныя на пребываніе убогимъ і нищимъ съ довольнымъ препитаніемъ содѣла і оныхъ упокояше многія тысящы. Царскихъ многолѣтныхъ долговъ народу отдаде, и впредь дани облегчи; Богоненавистныя враждотворныхъ и междоусобныя въ местнічествахъ брани прекрати, Царскій свой домъ и грады Кремль и Китай превзрядно обнови и многоубыточныя народу одежды премени; и иная многая и достохвальная и памяти должная содѣлавъ, и на вся полѣзная и народу благопотребная предъуготовляше вся.»

Г. «Пречуднѣ со всякимъ христіянскимъ душеспасительнымъ ко исходу души своея приуготовленіемъ жизнь сію скончa. Царствова же сей благочестивейшій и милосердный Царь 6 лѣтъ, и мѣсяца два, а дни 28. А отъ рожденія своего всехъ лѣтъ 21 лѣто, три мѣсяца, и 28 дней. Престави же ся отъ временнаго царствія во присносущное и вѣчное блаженство (всего), сего народа съ жалоснымъ рыданіемъ, и со много изліяніемъ сълѣзнымъ, въ лѣто 7190 (1682) мѣсяца Априллія въ 27 день, въ 13 часа дня, въ первой четверти.»

ОДЕЖДА ЦАРСКАЯ И БОЯРСКАЯ

ВЪ XVII ВѢКѢ.

(Рисун. Отд. IV. № 13.)

Баронъ Мейербергъ, бывшій въ качествѣ Посла отъ Нѣмецкаго Императора къ Царю Алексѣю Михайловичу, описалъ въ своемъ путешествіи пріемъ свой при Россійскомъ дворѣ. Вѣрные списки съ рисунковъ къ его описанію, хранившихся въ Дрезденской Королевской Библіотекѣ, изданы г. Аделунгомъ въ Спб. 1827, на иждивеніе Графа Н. П. Румянцова. (1)

Здѣсь воспроизведенъ Академикомъ Солнцевымъ одинъ изъ этихъ рисунковъ, представляющій чрезвычайную частную аудіенцію Посла, Апрѣля 24, 1662 года. Царь изображенъ въ Царской своей утвари, и въ то самое мгновеніе, когда онъ готовится пить за здравіе державнаго Брата своего, Цесаря Леопольда. Изъ уваженія къ его имени онъ привсталъ съ своего Царскаго стула и снявъ шапку, лѣвою рукою подаетъ ее стоящему предъ нимъ стольнику Князю Михайлѣ Долгорукову, а правою принимаетъ заздравный кубокъ отъ стольника Князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго.

На частной аудіенціи Царь одѣтъ былъ въ нарядѣ второмъ, или третьемъ; на немъ ферезея изъ золотныхъ тканей, подбитая мѣхомъ, съ мѣховымъ ожерельемъ и тремя петлицами; на груди у него крестъ. Шубы у предстоящихъ ему стольниковъ съ отложнымъ воротникомъ, а исподній кафтанъ съ козыремъ. Сколько великолѣпенъ былъ тронъ на первой аудіенціи, столько простъ стулъ съ низкою подножкою на частной.

(1) Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи. Спб. 1827, въ 8.

Чтобы дать понятіе о нарядѣ Царя на первой аудіенціи Цесарскимъ посламъ 1661 г. Мая 20, мы здѣсь представимъ для сличенія два описанія: одно, помѣщенное у Петрея, а другое изъ Выходныхъ книгъ. « Великій Князь, » замѣчаетъ Шведскій посолъ, « имѣетъ на головѣ небольшую соболью шапку, на которую надѣта золотая корона, вверху крестообразно сомкнутая и украшенная множествомъ драгоцѣнныхъ камней, платье его изъ золотой парчи, подбито алымъ бархатомъ; оно все покрыто богатою нашивкою изъ крупнаго жемчуга, на подобіе древесныхъ листьевъ. Вокругъ всего платья, а равно и на рукавахъ кайма шириною въ одну четверть локтя, сплошь унизана прекраснѣйшимъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Сверхъ кафтана надѣтъ у него вокругъ шеи широкій, ниже плечь спускающійся богатый воротникъ изъ самаго крупнаго жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. На груди у него золотой крестъ, длиною четверть локтя, а толщиною въ два пальца; на всѣхъ перстахъ у него множество большихъ колецъ и перстней. Сапоги его низаны жемчугомъ. » Въ Выходныхъ книгахъ такъ описанъ нарядъ Царя при этой же самой аудіенціи: « На Государѣ былъ нарядъ большія казны: крестъ, діадима втораго наряду, чѣпь золота колчата, платно царское, бархатъ аксамитной золотой петельчатъ, кафтанъ Царской станowой, отласъ виницѣйской золотой по зеленой земли; тесьма, шапка Царская втораго наряду съ изумрудомъ, яблоко съ стоянцемъ, скипетръ Царской. »

БОЯРСКАЯ И ДВОРЯНСКАЯ ОДЕЖДА

XVII ВѢКА.

ПОРТРЕТЫ КНЯЗЕЙ РЕПНИНЫХЪ.

(Рисун. Отд. IV. № 14.)

Здѣсь видимъ снимки съ подлинныхъ портретовъ Князей Репниныхъ: Боярина Бориса Александровича и Петра Александровича, воеводы Новгородскаго въ ихъ нарядѣ. Академикъ Солнцевъ заимствовалъ изображеніе ихъ костюма изъ Олеаріева путешествія. (1) На Бояринѣ зипунъ, застегнутый пуговицами; на поясѣ сабля. Сверхъ исподницы надѣты желтые сапоги, у колѣнокъ подвязанные. Сверхъ зипуна шуба турская съ отложнымъ воротникомъ, съ золотыми петлицами и откидными рукавами.

Другой въ кафтанѣ съ петлицами и прорѣхою или разрѣзомъ на полѣ. Въ одной рукѣ у него шапка, въ другой ширинка. Хотя на рисункѣ въ Историческомъ описаніи одежды и вооруженія войскъ Россійскихъ этотъ кафтанъ названъ охобнемъ (рис. № 10); но послѣдній былъ шире и длиннѣе перваго, имѣлъ прорѣхи подъ рукавами и четвероугольный откидной воротникъ. Въ царствованіе Θеодора Алексѣевича воспрещено было въ охобняхъ впускать во Дворецъ и даже въ Кремль.

Кафтанъ составлялъ употребительнѣйшую одежду въ допетровской Россіи. «Знатные, по словамъ Карлиля, носятъ *кафтаны*, кои простираются

(1) Offt begehrte Beschreibung der newen orientalischen Reise durch Adamum Olearium. Schleszwig. 1647, in-f.

до колѣнъ и застегиваются напереди пуговицами съ петлицами.» Назади кафтана пристегивался высокій стоячій воротникъ, извѣстный подъ именемъ *козыря,* который нерѣдко украшаемъ былъ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ по бархату и атласу, жемчугомъ и дорогими каменьями; (2) отсюда и народное выраженіе: «ходить козыремъ,» т. е. важничать, щеголять.

Какъ ферези, такъ и кафтаны были разныхъ родовъ, по ихъ назначенію и происхожденію: *верхніе* и *исподніе*, *становые* и *ѣздовые*, *смирные*, или *траурные* и *дождевые, Турскіе, Есскіе, Кизилбашскіе* и *Черкесскіе, Русскаго покроя.*

На сію одежду употреблялись ткани изъ шелка и бумаги, также сукна.

(2) Истор. описаніе одежды и вооруженія Росс. войскъ, ч. I.

ОДЕЖДА БОЯРСКАЯ,

МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ.

(Рисун. Отд. IV. № 15.)

Представляя здѣсь изображенія одежды Русскихъ людей, заимствованныя изъ путешествія Олеарія, присоединимъ для объясненія и описаніе его : (1)

« Русскіе мущины вообще рослы, толсты и сильны, цвѣтомъ лица подобны другимъ Европейцамъ. У нихъ въ большой чести широкія бороды и толстые животы. Его Царское Величество употребляетъ таковыхъ для услугъ при торжественныхъ пріемахъ пословъ, желая этимъ придать болѣе торжественности. Усы у Русскихъ, также длинные, покрываютъ губы. »

« Длинные волосы, висящіе до плечь, носятъ одни только священники, а у прочихъ они подстрижены. Вельможи даже стригутъ волосы, считая это украшеніемъ. Какъ скоро кто впадетъ въ немилость у Царя, то отпускаетъ длинные волосы и не причесывая ихъ носитъ во все время опалы Царской. Этотъ обычай, можетъ быть, переняли они отъ Грековъ, которымъ во всемъ хотятъ подражать; ибо Греки, по описанію Плутарха, ходили съ длинными спущенными волосами во время смутныхъ обстоятельствъ. Женщины въ подобныхъ случаяхъ волосы свои остригали.

« Русскія женщины роста средняго, хорошаго сложенія; онѣ имѣютъ нѣжный цвѣтъ тѣла; но въ городахъ всѣ онѣ румянятся и бѣлятся, и такъ

(1) Offt begehrte Beschreibung der orientalischen Reise. Schleswig. 1647, in-f.

грубо и замѣтно, что кажется, будто по лицу ихъ провелъ кто нибудь горстью муки и вымазалъ ихъ щеки кистью; брови и рѣсницы окрашиваютъ онѣ въ черный или коричневый цвѣтъ. Онѣ дозволяютъ себѣ напоминать сосѣдкамъ и знакомымъ о соблюденіи этого обычая, хотя бы красота ихъ природная превосходила искуственную, какъ будто боясь, чтобъ первая не затмила второй. Такъ жена боярина Князя Ивана Борисовича Черкаскаго, женщина отличной красоты, не хотѣвшая сначала румяниться и бѣлиться, была упрекаема въ нарушеніи обычая предковъ, и доведена до необходимости употреблять румяны, т. е., зажечь свѣчу при солнечномъ свѣтѣ.»

«Такъ какъ обычай этотъ принятъ всѣми и соблюдается явно, то женихъ, во время сватовства, между прочими подарками, долженъ принести невѣстѣ коробочку румянъ.»

«Замужнія женщины, подбирая волосы на головѣ, прикрываютъ ихъ шапкою; дѣвицы же сплетаютъ и опускаютъ на спину косою, въ оконечность коей вплетаютъ красную шелковую ленточку.»

«У дѣтей ниже десяти лѣтъ, какъ у мальчиковъ, такъ и у дѣвочекъ волосы стригутъ, оставляя нѣсколько локоновъ по обѣимъ сторонамъ; дѣвочкамъ въ уши вдѣваютъ большія серьги.»

«Одежда мущинъ такая же, какъ у Грековъ; рубашки у нихъ широкія, короткія, едва достигаютъ до колѣнъ; воротникъ гладкій безъ сборокъ; спинка подшита въ видѣ тріугольника, спускается съ плечь и шита краснымъ шелкомъ; у многихъ подоплёка подшита красною тафтою, къ немалому украшенію. У богатыхъ людей вышиваютъ воротникъ, низъ рубашки и рукава разными шелками, иногда золотомъ и жемчугомъ; воротникъ застегивается у таковыхъ или двумя большими жемчужинами, или золотыми и серебряными пуговицами. Нижнее платье носятъ очень широкое сверху, гдѣ протянутъ шнуръ, по произволу распускающій и стягивающій его. Поверьхъ рубашки и штановъ они носятъ узкіе кафтаны длиною до колѣнъ, съ длиннѣйшими рукавами, надѣваемыми на руки въ сборкахъ; воротникъ у кафтана широкій, длиною въ четверть локтя, подшитъ бархатомъ, или, у вельможъ, золотною матеріей; его выставляютъ изъ за другаго кафтана, оставляя незастегнутымъ. Сверьхъ кафтана носятъ другое одѣяніе длиною до икръ, оно называется ферезью; какъ кафтанъ, такъ и ферезь дѣлается изъ панки, киндяка, тафты или атласа, смотря по состоянію каждаго.»

« Ферезь подбивается хлопчатою бумагой; сверхъ всего носятъ платья длиною достающія до пятъ, которыя надѣваютъ выходя въ публику; это платье бываетъ изъ синяго коричневаго или темнозеленаго сукна, также парчевое, атласное и шитое золотомъ. Всѣ эти одѣянія выдаются изъ царской казны, по случаю принятія пословъ, для большаго благолѣпія. У этой верхней одежды бываетъ длинный, ниспадающій съ плечь воротникъ, вокругъ и по сторонамъ она обшита золотомъ или жемчугомъ и украшена висящими кистями; рукава также длинные, какъ и одежда весьма узки и подбираются, такъ что руки едва видны, иногда же при ходьбѣ они спускаются съ рукъ; случается, что холопы и воры прячутъ въ рукавахъ такого рода камни или дубинки, незамѣтныя для зрителя, и нападаютъ съ ними ночью на проходящихъ. »

« Князья и бояре при торжественныхъ собраніяхъ носятъ шапки вышиною въ аршинъ, опушенныя чернымъ соболемъ или лисицею, въ другихъ случаяхъ обшитыя бархатомъ и частію опушенныя только чернымъ соболемъ или лисьимъ мѣхомъ, и украшенныя золотыми или жемчужными нашивками; простой народъ лѣтомъ носитъ шапки изъ бѣлаго валенаго сукна, зимою же опушенныя простымъ мѣхомъ, или просто суконныя.

« Русскіе вообще, какъ Поляки, носятъ короткіе изъ юфти или персидскаго сафьяна сапоги съ остроконечными носами; башмаки женскіе, особенно дѣвичьи, дѣлаются съ весьма высокими каблуками, такъ что при стояніи прямо, носокъ ихъ едва только касается до полу; каблуки обиваются маленькими красивыми гвоздиками.

« Платья женскія сходны съ мужскими, хотя верхнія нѣсколько шире, и изъ такого жъ сукна, или изъ киндяка, персидской ткани; богатыя украшаютъ ихъ напереди позументомъ или золотыми снурками и пришиваютъ серебряныя или оловянныя пуговицы, которыми и застегиваются; рукава сверьху разрѣзные, въ эти разрѣзы онѣ просовываютъ руки, за коими рукава и висятъ. Кафтановъ онѣ не носятъ, особенно же съ воротниками. Рукава рубашекъ узки, длиною въ 6, 8 и 10 локтей, и болѣе, если кисейные, которыя сбираются на руки. Онѣ также носятъ просторныя и широкія шапки, окаймленныя атласомъ, камкою или парчей, иныя вышиты золотомъ и украшены жемчугомъ съ бобровою опушкой, такъ, что волосы, ниспадая прямо закрываютъ половину лба. Взрослыя дѣвицы носятъ высокія лисьи шапки.

8*

« Нѣмцы, Голландцы, Французы и другіе иноземцы, состоящіе въ службѣ Царя и проживающіе въ Россіи для торговли, носили одежду одинакую съ Русскими, для избѣжанія насмѣшекъ отъ народа и для большей безопасности. Но годъ тому назадъ, Патріархъ прекратилъ это обыкновеніе по слѣдующему случаю: былъ крестный ходъ въ городѣ, въ которомъ участвовалъ и самъ Патріархъ; когда онъ на улицѣ, по обыкновенію, благословлялъ народъ, то замѣтилъ, что не всѣ поклонились и сняли шапки, и узнавъ, къ негодованію, что это дѣлали Нѣмцы, сказалъ, что неприлично иностранцамъ пользоваться благословеніемъ, а потому отнынѣ приказать всѣмъ имъ являться въ одеждахъ своей страны, а Русской вовсе не носить. »

ПОРТРЕТЪ

БОЯРИНА АѲАНАСЬЯ КИРИЛОВИЧА НАРЫШКИНА.

(Рисун. Отд. IV. № 16.)

Лице, изображенное на портретѣ, сперва названо было въ рисункѣ Петромъ I, по нѣкоторому родовому сходству съ чертами его лица. На приложенномъ же здѣсь рисункѣ оно означено именемъ Аѳанасія Кириловича Нарышкина, брата Царицы Натальи Кириловны, того самаго, который въ 1680 г. разсѣченъ былъ на части мятежными стрѣльцами предъ глазами его сестры.

Портретъ этотъ, писанный на холстѣ, прежде находился въ подмосковномъ селѣ Петровскомъ-Разумовскомъ, а теперь въ селѣ Порѣчьѣ Можайскаго уѣзда, Графа С. С. Уварова. По фамильному преданію, сообщенному намъ Графомъ Уваровымъ, портретъ этотъ всегда почитался за изображеніе ближняго боярина, Льва Кириловича Нарышкина, родоначальника фамиліи Нарышкиныхъ и Разумовскихъ. Левъ Кириловичъ родился 1668 г. умеръ 1705 г. Въ первый бракъ онъ вступилъ съ Княжною Урусовой, а во второй съ Анною Петровной Салтыковой. У него были два сына: Александръ и Иванъ; отъ перваго существуетъ прямое потомство Нарышкиныхъ; у втораго была одна дочь Катерина, вышедшая въ замужство за Фельдмаршала Графа Кирила Григорьевича Разумовскаго; отъ нея происходитъ родъ Графовъ Разумовскихъ.

Портретъ сей, вѣроятно, писанъ чужестраннымъ художникомъ, и замѣчателенъ костюмомъ. Сверхъ нижняго кафтана, подпоясаннаго Персидскимъ кушакомъ, надѣта длинная Греческая или Грузинская шуба съ двумя запонами или застежками изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. На ногахъ красные сафьяные ичетоги или ичеги т. е. татарскіе сапожки, съ золотымъ шитьемъ; сверхъ ихъ зеленые башмаки. Въ одной рукѣ у Нарышкина трость съ ходильной шапкою.

ОДЕЖДА БОЯРСКАЯ

XVII СТОЛѢТІЯ.

УТРЕННІЙ ШЕЛКОВЫЙ КАФТАНЪ.

(Рисун. Отд. IV. № 17.)

Хотя въ надписи одежда сія и названа утреннимъ лѣтнимъ кафтаномъ; но, вѣроятнѣе, она принадлежитъ къ ферезямъ, коихъ мы коснулись на стр. 11 сего выпуска. Ферезь была мужскою и женскою одеждой; сходная съ нею у Грековъ встрѣчается *φᾶρος* отъ *φέρω*, (1) исподнее платье, по переводу Гнѣдича, риза; по Рейфу, ферезь происходитъ отъ Турецкаго férádjè, плащь. Въ старину у Русскихъ нарядные сарафаны назывались *ферезями,* кои были теплыя и холодныя. Покрой и мѣру ферези такъ описываетъ намъ Кроильная книга съ 7139 по 7146 г.: «Скроены Государю ѳерези «таѳта ала виницѣйска, взята с Казеннаго двора, длина ферземъ два «аршина, ширина в плечехъ аршинъ съ вершкомъ, в подолѣ ширина три «аршина два вершка, рукава длина полтора аршина, въ корени восмь «вершковъ, в запястье ширина три вершка.» (2) Изъ этого видно, что ферезь разнилась отъ кафтана станомъ и рукавами, кои у ней были борзистые, въ корени шире, а къ запястью уже. Ферезеи теплыя и холодныя замѣняли кафтаны, кои, какъ извѣстно изъ Кроильныхъ книгъ, бывали *ста-*

(1) *Homeri* Ilias, 11, 43. Odyss. v. 108.
(2) Арх. Ор. Пал. Книги кроильныя платью съ 139 по 146 г. № 1157, листъ 214.

повые, ѣздовые, верхніе и *нижніе, дождевые,* съ нашивками торочковыми, шелковыми, съ золотомъ. (2) Онѣ украшались завязками съ кистьми и образцами, или кругами, кои низаны были по бархату жемчугомъ и дорогими каменьями. Къ нимъ пристегивались *аламы,* или воротники стоячіе и лежачіе.

Опись домашнему имуществу Царя Іоанна IV показываетъ, что ферези покупались у Татаръ, шиты были изъ камки Бурской и Кизилбашской т. е. Персидской, передѣлывались нерѣдко изъ платна, равно и кафтаны съ рукавами изъ ферезей. (3)

Указомъ 1680 г. Февраля 19, повелѣно: « въ Господскіе и въ Владычни праздники и въ празднества нарочитыхъ Святыхъ и Государевыхъ выходовъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людемъ, стольникомъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ и боярамъ быть « въ золотныхъ и въ бархатныхъ и въ объяринныхъ ферезяхъ. » Ферезь иногда надѣвалась сверхъ доспѣха; рукава у ней были прорѣзные и длиннѣе, чѣмъ у зипуна и кафтана. Въ Кроильной книгѣ они показаны длиною $1\frac{1}{2}$ аршина; а сама ферезь длиною 2 аршина, шириною въ плечахъ 1 арш. и 1 верш. въ подолѣ шириною 3 арш. 2 вершка. (4)

(2) Опись имѣнію Мих. Татищева 7116 г. въ Временникѣ И. М. О. И. и Д. Р. 1850, въ 8.
(3) Временникъ И. М. О. И. и Д. Р. 1850, кн. 7.
(4) Книга кроильная съ 7136 по 7146 г. № 1157.

ОДЕЖДА БОЯРСКАЯ

XVII ВѢКА.

КАФТАНЪ, НАДѢВАЕМЫЙ ПОДЪ ЛАТЫ.

(Рисун. Отд. IV. № 18.)

Здѣсь представленъ обыкновенный боярскій кафтанъ временъ Царя Алексѣя Михайловича и кафтанъ, или правильнѣе, зипунъ, надѣвавшійся подъ латы, панцыри, кольчуги, или байданы, бахтерцы, куяки, юшманы, зерцала. Эта поддѣвка шита была изъ сукна или изъ бумажныхъ тканей, подбивалась ватою.

ОДЕЖДА БОЯРСКАЯ

XVII ВѢКА.

БОЯРСКІЙ НАРЯДНЫЙ КАФТАНЪ И ОПАШЕНЬ.

(Рисун. Отд. IV. № 19.)

Изображенныя здѣсь одежды временъ Царя Алексѣя Михаиловича хранятся въ Московской Оружейной Палатѣ.

Первая, названная въ рисункѣ г. Солнцева Боярскимъ нарядным кафтаномъ, длиною 2 аршина, шириною въ подолѣ 2 арш. 12 вершк. рукава длиною 1 арш. 9 вершк. Кафтанъ сшитъ изъ толстой шелковой матеріи, похожей на описанную въ Выходныхъ книгахъ камку кизилбашскую, « по зо« лотой землѣ люди стоячіе и сидячіе. » И здѣсь вытканы люди, костюмомъ своимъ сходные съ Персіанами, драконы и птицы. Подкладка крашенинная. На этомъ кафтанѣ нѣтъ ни нашивокъ, ни петлицъ, ни пуговицъ, ни кружевъ, какія мы замѣтили на другихъ кафтанахъ Боярскихъ и Царскихъ; по видимому, онъ принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ *отставныхъ,* съ коихъ снимался прикладъ.

Другая одежда съ длинными прорѣзными рукавами причислена г. Солнцевымъ къ боярскимъ *опашнямъ,* кои собственно составляли верхнюю накидную одежду, носимую *на опашь* т. е. безъ пояса, (1) *на опашку,* не

(1) см. Указатель въ Выходныхъ книгахъ, изд. *И. Строева.* М. 1844, въ 4.

вздѣвъ въ рукава: (2) послѣднее называлось встарину *сплечивиться* т. е. вступая въ рукопашный бой, спускать съ правой руки рукавъ одежды.

Опашень издревле былъ употребителенъ на Руси; объ немъ упоминаютъ грамоты съ XIV вѣка: (3) В. К. Іоаннъ завѣщевалъ сыну своему Димитрію «опашень скорлатенъ, саженъ,» т. е. унизанъ. Въ духовной грамотѣ Князя Іоанна Борисовича Волоцкаго 1504 г. встрѣчается «опашень объя-«ринень голубь, опашень камчатъ дикъ, венедицкой.» Въ опашнѣ изъ черной зуфи Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь былъ на панихидѣ по своемъ родителѣ, а въ день своего коронованія онъ надѣлъ на себя «опашень, объярь по серебряной землѣ травы золоты оксамичены, нашивка и круживо низано жемчугомъ въ одно зерно, пуговицы изумрудныя.» На объяринномъ опашнѣ у сего Царя было круживо и тринадцать гнѣздъ, нашивки низаны жемчугомъ, тринадцать пуговицъ изумрудныхъ на золотыхъ спняхъ, въ закрѣпкѣ по искрѣ яхонтовой. (4)

Для точнѣйшаго опредѣленія величины, покроя и приклада, заимствуемъ изъ Кроильной книги описаніе опашня Царя Михаила Ѳеодоровича: «длина опашню, скроенному изъ обьяри двоеличной: по передамъ 2 аршина, а позади 2 аршина безъ 3 вершковъ; ширина въ плечахъ аршинъ съ вершкомъ; въ подолѣ ширина 3 аршина съ 3 вершками; рукавамъ длина отъ стану аршинъ съ 5 вершками; въ корени рукава въ ширину полосма вершка, въ запястьѣ 3 вершка. Мѣрою обьяри было 9 аршинъ, 10 вершковъ. Ожерелье фараузное, круживо нѣмецкое золото пряденое мѣрою 10 аршинъ, нашивка и кисти золото пряденое, ворворки низаны жемчугомъ с канителью; 15 пуговицъ золотыхъ уголчатыхъ с черныю, в закрѣпкахъ жемчугъ.» (5)

На приложенномъ здѣсь опашнѣ нѣтъ ни одной изъ описанныхъ прикладовъ. Одежда сія, какъ видно изъ Выходныхъ книгъ, была лѣтнею, которую осенью замѣняла однорядка. Обыкновенные опашни дѣлались изъ зуфи, или камлота, а нарядные изъ атласа, объяри, золотныхъ тканей, съ кружевами и нашивками.

(2) Словарь Росс. Академіи. 1 изд.
(3) Собраніе госуд. грамотъ, ч. I.
(4) Опись казны послѣ Царя Ѳеодора Алексѣевича 7190 (1682), № 140.
(5) Книга кроильная съ 139 по 146 г. № 1157.

СОКОЛЬНИЧІЙ КАФТАНЪ.

(Рисун. Отд. IV. № 20.)

Сокольничій нарядъ временъ Царя Алексѣя Михайловича сближаетъ мысль съ Царскою соколиною охотой, которая издревне была почетнымъ и любимымъ занятіемъ не только Великихъ и Удѣльныхъ Князей Русскихъ, но и Государей Западной Европы и Хановъ Монголо-Татарскихъ. Соколъ былъ *знаменемъ* на монетахъ у первыхъ.

Въ договорной грамотѣ сыновей Калиты упоминается *сокольничій путь.* (1) Великіе Князья, въ силу договоровъ своихъ съ Великимъ Новгородомъ въ XIV вѣкѣ, ежегодно отправляли своихъ Сокольниковъ въ Двинскую землю; а *Сокольниками* назывались собственно ловчіе птицъ. (2) При Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, любившемъ соколиную охоту, Сокольничій имѣлъ преимущество предъ Ловчимъ; въ спискѣ придворныхъ чиновниковъ онъ стоялъ выше Ловчаго и ниже Постельничаго. Званіе это, равнявшееся Оберъ-егермейстерскому, не рѣдко соединялось въ одномъ лицѣ. Подъ вѣдомствомъ Сокольничаго и Ловчаго состояло множество нижнихъ чиновъ, какъ то: кречетники, ястребники и т. д.

При Дмитріи Самозванцѣ является Великій Сокольничій.

Законодатель Россіи Царь Алексѣй Михайловичъ, издавшій уставъ соколиной охоты, умножилъ штатъ сокольничій и построилъ для него осо-

(1) Собраніе госуд. грамотъ, I, 35.
(2) *Карамз.* И. Г. Р. IV, 206.

бый нарядъ. Представленный здѣсь на рисункѣ бархатный кафтанъ, весьма похожій на герольдскій нарядъ при коронаціяхъ Императорскихъ, издавна извѣстенъ въ описяхъ Оружейной Палаты подъ названіемъ Сокольничаго. Но въ книгѣ, глагол. Урядникъ чина сокольничья пути, такъ описанъ сокольничій нарядъ: «Цвѣтный кафтанъ суконный съ нашивкою золотою, «или серебряною, къ какому цвѣту какая пристанетъ; сапоги желтые.» (3)

(3) Древняя Росс. Вивліоѳика, III.

ШКИПЕРСКОЕ ПЛАТЬЕ ПЕТРА I.

(Рисун. Отд. IV. № 21.)

Это платье, хранящееся въ Московской Оружейной палатѣ, напоминаетъ намъ пребываніе Петра I въ Голландіи 1695 и 97 г. для изученія кораблестроенію и кораблевожденію. Оно сшито изъ грубой шерстяной ткани, съ тафтяною подкладкой; пуговицы на немъ обтянуты конскимъ волосомъ; длиною оно 1 аршинъ и 12 вершковъ, въ поясѣ $1\frac{1}{2}$ вершка, рукава длиною $12\frac{1}{2}$ вершковъ.

ПОЛЬСКІЙ КАФТАНЪ ПЕТРА I.

(Рисун. Отд. IV. № 22.)

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь указомъ своимъ отмѣнилъ древнее платье, заимствованное Русскими отъ Татаръ и ввелъ Польское, (1) какое видимъ на рисункѣ. Этотъ кафтанъ преданіе присвоиваетъ Петру I, оставшемуся, послѣ кончины Ѳеодора, десяти лѣтъ.

Этотъ кафтанъ изъ тонкаго и плотнаго Голландскаго сукна; длиною 2 аршина и 1½ вершка; въ лифѣ 1 арш. 8 вершковъ; въ воротѣ 9 вершковъ ½. Рукава у него длиною 2 арш. и 1½ вершка. По краямъ онъ оторочепъ золотымъ шнуркомъ.

(1) *Арцыбышева* Повѣствованіе о Россіи, III, 460 и 61. *Голикова* Д. П. В. III, 178.

ОДЕЖДА БОЯРЫШЕНЪ РУССКИХЪ.

(Рисун. Отд. IV. № 23.)

Голландецъ Корнелій Бреійнъ, живописецъ, (Le Brun, или Bruyn), посѣщавшій Москву въ самомъ началѣ XVIII столѣтія, передалъ намъ наряды Русскихъ боярышень и портретъ одного изъ Князей Репниныхъ въ боярскомъ кафтанѣ и шубѣ. (1) Здѣсь приложены вѣрные снимки съ его рисунковъ.

На головѣ у боярышенъ повязки, къ коимъ сзади прикрѣпленъ косникъ. Сверхъ сарафана надѣты длинныя шубы; у одной боярышни сарафанъ перехваченъ поясомъ, коего концы спущены внизъ.

(1) См. Voyages en Perse et en Moscovie, pl. 13 и 14.

ОДЕЖДА XVII СТОЛѢТІЯ.

(Рисун. Отд. IV. № 24.)

Не касаясь изображеннаго на рисункѣ боярскаго кафтана, о коемъ мы прежде говорили, упомянемъ объ исподнемъ платьѣ, которое входило въ описи Царскихъ нарядовъ.

Штаны упоминаются въ Выходныхъ книгахъ болѣе при ѣздовомъ платьѣ. Въ описи платья и казны Царя Ѳеодора Алексѣевича 1682 года находимъ: 1) «штаны холодныя — изорбафъ золотной, по нѣмъ травы се-«ребряныя, шелкъ червчатъ да зеленъ, подложены тафтою жаркой цвѣтъ, «ушки атласъ червчатъ; штаны камка Китайскаго дѣла, атласныя, Ки-«тайскія, травныя, подкладка таѳта рудожелта, стеганы въ шахматъ, ушки «атласъ червчатъ; 2) штаны теплыя — тафта рудожелта, подложены че-«ревами песцовыми; штаны таѳта ала, подложены черевы собольими.» Въ описи домовой казны Патріарха Филарета Никитича встрѣчаются «шта-«ны теплыя, таѳта лазорева, на бѣльихъ черевахъ.» (1)

О покроѣ, длинѣ и ширинѣ штановъ, скроенныхъ для Царя Михаила Ѳеодоровича, можно видѣть изъ слѣдующей описи въ Кроильной книгѣ 1641 года: «Скроены Государю штаны, камка двоелична, шолкъ червчатъ, да желтъ, в длину штаны аршинъ пять вершковъ в ширину в поясѣ одиннадцать вершковъ; камки вышло въ кроенье четыре аршина.» (2) Изображенные на рисункѣ двое Царскихъ штановъ дополняютъ это описаніе.

(1) см. сей книги отдѣленіе I, стр. 148.
(2) Книги кроильныя платью и чеботамъ, съ 149 по 155 г. № 1160. въ 4.

СТАРИННЫЯ ПЕРСЧАТЫЯ РУКАВИЦЫ.

(Рисун. Отд. IV. № 25.)

Изстари въ Россіи люди разныхъ сословій носили рукавицы кожаныя, сафьянныя и бархатныя. Персчатыя рукавицы тоже, что перчатки. Тѣ и другія бывали холодныя и теплыя, ролдужныя, или ролдуги, и вязеныя; турскаго и нѣмецкаго дѣла. Запястье у нихъ украшалось шитьемъ и бахрамою. (1) Въ Царскомъ нарядѣ нарядныя рукавицы отличались роскошью украшеній; къ бронѣ принадлежали желѣзныя или стальныя рукавицы.

У Царя Θеодора Алексѣевича въ числѣ различныхъ рукавицъ были: рукавицы бархатъ двоеморхъ, малиновъ цвѣтъ; исподы лисьи черевы; опушки пластинчатые собольи. Рукавицы перщатыя атласъ алъ, исподъ лисьи черевы, опушка пластины собольи, съ голуномъ золотнымъ. Рукавицы зуфь руДожелтый цвѣтъ, въ ладонѣхъ исподы бѣльи черевьи, запястья пупчатыя собольи, опушка пластины собольи. Рукавицы перщатыя суконныя, онисовъ цвѣтъ; исподы пупчетыя собольи. Рукавицы перщатыя оленьи, запястье низано жемчугомъ скатнымъ, съ зерны половинчатыми, въ нихъ по алмазу граненому въ золотыхъ гнѣздахъ, по краямъ пришита бахрама.» и пр. (2)

Изображенныя на рисункѣ разныя нарядныя рукавицы съ запястьемъ замѣчательны по искусству шитья.

(1) Выходы Царей Михаила, Алексѣя и Θеодора, указатель. М. 1844, въ 4.
(2) Опись казнѣ Царя Θеодора Алексѣевича, 1682 г. № 140, въ л.

ПОЛОТЕНЦО.

(Рисун. Отд. IV. № 26.)

Полотенцо или ширинка составляетъ необходимую принадлежность не только въ домашнемъ быту Русскаго народа, привыкшаго умывать руки, по пробужденіи предъ утреннею молитвою и завтракомъ, предъ обѣдомъ и ужиномъ, но и въ церковномъ обиходѣ, гдѣ умываютъ руки священнослужители, прежде нежели приступятъ къ священнодѣйствію. Въ церковномъ языкѣ полотенцо называется также *лентіемъ*. «Руцѣ,» говоритъ св. Кириллъ Іерусалимскій въ V к. Тайновод. уч. «обрядъ суть дѣянія: то умывающе тыя явѣ яко «чистоту и непорочность дѣяній изобразуютъ.» Въ древности іереи умывали руки предъ самымъ перенесеніемъ Св. Даровъ изъ предложенія на престолъ, какъ и нынѣ въ память того Архіереи, во время Херувимской пѣсни, дѣлаютъ предъ великимъ выходомъ. (1) Въ описи Московскаго Успенскаго собора 1627 года упомянуты между утварями «три ширинки шиты золотомъ и «серебромъ по миткалямъ, кисти шелкъ черн҃ъ съ золотомъ.»

Къ такъ называемой Царской стряпнѣ принадлежало и полотенцо, коимъ, вмѣстѣ съ подножьемъ, стуломъ и солнешникомъ, завѣдывалъ стряпчій. (2) Въ торжественномъ шествіи Царя за вербою, впереди его, между прочимъ, несли Царское полотенцо. По свидѣтельству иностранныхъ путешественниковъ въ Россіи XVII вѣка, когда Царь давалъ свою руку иновѣрцу,

(1) Истор. догматич. и таинствен. объясненіе на Литургіи, *И. Дмитревскаго.* М. 1818, въ 4.
(2) Выходы Царей Михаила, Алексѣя и Ѳеодора.

то, почитая его прикосновеніе не чистымъ, умывалъ себѣ руки и отиралъ ихъ полотенцомъ. (3)

Въ числѣ даровъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ Крымскаго Хана Сеиръ-Султана въ 1618 году находилось и « крапивное полотенцо, шитое « сестрою Ханскою, разными шелками съ золотомъ волоченымъ. » (4) Также въ 1638 году Крымскіе послы поднесли ему же « отъ Царевой матери по-« лотенцо, шитое по кисеѣ золотомъ съ шелками. » Царицы и Царевны жаловали Святителей полотенцами, кои онѣ сами вышивали шелками и серебромъ съ золотомъ. Въ крестьянскомъ быту донынѣ дарятъ полотенцами на имянинахъ и свадьбахъ.

Обыкновенно нарядныя полотенца, какъ ширинки и утиральники, вышиваются по краямъ не только шелками и золотомъ, но и красною бумагою, или такъ называемою въ Смоленской губерніи *заболотью;* выдергивая изъ холста и полотна рѣшеткой, выстрачиваютъ « узоры кружками, пѣтухами « и человѣчками, » или обшиваютъ концы ихъ кружевами плетеными и вязаными. Чѣмъ вычурнѣе узоры, тѣмъ, во вкусѣ народномъ, они красивѣе. Образчикъ подобнаго полотенца изображенъ на рисункѣ.

(3) *Г. Успенскаго* опытъ повѣствованія о Русскихъ древностяхъ, ч. I. изд. 2. Харьковъ. 1818, въ 8.

(4) Оружейная Палата. *А. Вельтмана.* М. 1848, въ 8.

ДРЕВНЯЯ ЦАРСКАЯ ОБУВЬ.

(Рисун. Отд. IV. № 27.)

Къ древнѣйшей обуви, извѣстной на Руси еще въ X вѣкѣ, относятся и сапоги; объ нихъ упоминаетъ отечественная Исторія, при описаніи побѣды Св. Владиміра надъ Болгарами. Воевода его Добрыня, увидѣвъ плѣнниковъ въ сапогахъ, сказалъ Князю: «сглядахъ колодникъ, иже суть вси въ сапо-«зѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ.» (1)

На древнѣйшемъ памятникѣ миніатюрной живописи въ Изборникѣ Святославовомъ XI вѣка сохранилась даже форма сапоговъ; тамъ видимъ на Князѣ остроносые сапоги изъ цвѣтнаго сафьяна.

За исключеніемъ смердовъ, у прочихъ сословій употреблялись издревле остроносые, къ верху загнутые чоботы или сапоги, коихъ подошвы подбиваемы были мѣлкими гвоздями, а къ каблукамъ прикрѣплялись, смотря по состоянію, желѣзныя, мѣдныя и серебряныя скобы. Такіе сапоги, по свидѣтельству Гваньини, не доставали до колѣнъ. Въ Игоревой пѣсни упоминаются *засапожники*, родъ ножей или кинжаловъ, кои тогда носили за сапогами; что доселѣ сохранилось въ Бѣлоруссіи и частію въ Малороссіи.

Съ умноженіемъ богатства народнаго увеличилась и роскошь въ убранствѣ: знатные и богатые нашивали въ XVI вѣкѣ сапоги, унизанные по швамъ, на

(1) Лѣтопись Нестерова по Лаврент. списку, изд. *Р. Тимковскаго.* М. 1824, въ 4. *Софійск. времен.* I, 59.

носкахъ и каблукахъ жемчугомъ, иногда драгоцѣнными камнями. Такова преимущественно была Царская обувь. Подобные сапоги описываетъ видѣвшій ихъ Флетчеръ. При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Русскіе обоего пола нашивали короткіе сапоги сафьянные, или изъ другой цвѣтной кожи и бархата, съ высокими каблуками; не рѣдко у достаточныхъ людей они унизывались жемчугомъ, украшались золотыми и серебряными прошивками, галунами и узорами. (2) Сапоги у Царицѣ Натальѣ Кириловнѣ были бархатные, шитые золотомъ. Сапоги бывали съ голенищами, срѣзанными напереди угломъ, и круглыми, спущенными почти до половины икры и съ голенищами, подвязанными подъ самымъ колѣномъ ремнемъ, или тесмою. Нѣкоторые стягивали ихъ еще подъ икрами. Первые два рода сапоговъ остались тѣже, какъ и въ XI вѣкѣ, апослѣдніе встрѣчаются на изображеніяхъ XIII и XIV вѣковъ. Въ описи имѣнія Мих. Татищева 1608 г. показаны « сапоги « сафьянные красные, тимовые и телятинные. » (3)

Къ старинной обуви отнести должно *башмаки и чеботы.* У Царей и Царевичей нарядные башмаки бывали сафьяные, атласные и бархатные разныхъ цвѣтовъ, шитые золотомъ, обнизанные жемчугомъ, даже съ запонами изъ самоцвѣтныхъ камней, съ скобами серебряными. У Царицы Евдокіи Лукьяновны, какъ значится въ описи ея казны: « башмаки бархатъ « червчатъ по рудожелтой землѣ, круживо ковано серебряно съ пелепелы, « а скобы серебреныя. » (4) Чтожъ касается до чеботовъ, то ихъ носили мущины и женщины. Къ Царскому платну Царя Ѳеодора Алексѣевича подаваны были чеботы « по червчатому бархату низаны жемчугомъ, межь жемчуга каменье, въ золотыхъ гнѣздахъ по лалу, да по три яхонта лазоревыхъ, да по пяти изумрудовъ, подкладки и подрядъ отласъ червчатъ, скобы серебряны. » (5) При торжественномъ приемѣ Крымскихъ и Турскихъ пословъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичь былъ въ низаныхъ чеботахъ. Въ описи казны Царицы Евдокіи Лукьяновны 1627 г. находимъ: « чеботы по « бархату червчатому низаны жемчугомъ полнымъ, на чеботахъ въ травахъ « каменья, подъ чеботами скобы серебрены золочены; » другіе чеботы «по

(2) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ *Г. Успенскаго*, ч. 2, изд. 2. Харьковъ, 1818, въ 8.
(3) Временникъ Императорскаго М. Общ. И. и Д Росс. 1850, кн. 8.
(4) Книги Государыни Царицы Евдокеи Лукьяновны Мастер. Палаты, 7135 г. № 668, въ 4.
(5) Опись казнѣ Царя Ѳеодора Алексѣевича. 1682 г. № 140, въ л.

«сафьяну червчатому, переды шиты золотомъ и серебромъ волоченымъ, «скобы серебрены.» Въ числѣ придворныхъ ремесленниковъ XVII вѣка упоминаются и чеботари, кои шили чеботы про Царскій обиходъ. При нарядной одеждѣ Цари и бояре также надѣвали *ичетоги* (отъ татар. слова *ичеги*, короткіе сапожки); они бывали сафьянные желтые, лазоревые, черные, также атласные, бархатные, камчатные съ шитьемъ. Въ описи имѣнія М. Татищева 1608 г. упомянуты «башмаки съ ичетоги сафьянъ жолтъ.» Торжокъ издстари славится своими сапогами и башмаками, кои вышиваются золотомъ и серебромъ по сафьяну.

Съ измѣненіемъ покроя платья при Петрѣ I измѣнилась и обувь; указомъ его 1715 года, Сентября 1, строжайше запрещено «подбивать каблуки скобками и подошвы гвоздями.» При сравненіи сапоговъ Никона Патріарха, хранящихся въ Воскресенскомъ монастырѣ, что Новый Іерусалимъ, съ сапогами Императора Петра I, увидимъ рѣзкую разницу въ тѣхъ и другихъ.

ТОРЖКОВСКІЕ

и

ДРУГІЕ СТАРИННЫЕ НАРОДНЫЕ НАРЯДЫ.

(Рисун. Отд. IV. № 28, 29, 30, 31, 32.)

Не столько мужскіе, сколько женскіе наряды въ Торжкѣ, Твери, Тихвинѣ, на Бѣлѣ-озерѣ и Рязани, служа вывѣскою мѣстнаго вкуса и обычая, напоминаютъ намъ старинной Русскій бытъ, изъ коего они вышли. При сличеніи ихъ съ нарядами въ другихъ губерніяхъ, откроется сходство однихъ съ другими, или различіе, опредѣленное различіемъ вкусовъ и нравовъ. Съ Петра I начали замѣняться отечественные старинные наряды иноземными, и вмѣстѣ съ тѣмъ стало распространяться вліяніе заграничной моды; тогда наряды Царицъ, боярынь и купчихъ, дотолѣ общіе, отдѣлились одни отъ другихъ. По городамъ еще отчасти удержались старинные наряды въ купеческомъ и мѣщанскомъ сословіяхъ. Чужестранные путешественники по Россіи и наши Академики мимоходомъ касались сего предмета Русской народности. Екатерина II столь уважала народные костюмы, что даже велѣла себя изобразить на медали, выбитой по случаю изданія Наказа, въ старинномъ нарядѣ Калужскихъ гражданокъ.

Не распространяясь объ иногородномъ мужскомъ нарядѣ, коснемся женскихъ нарядовъ.

Головной женскій уборъ составляютъ: *волосникъ, повойникъ, начельникъ, подъубрусникъ, кичка, кокошникъ, сордка, вѣнецъ, треухъ, шапка* и *фата.*

Волосникомъ обыкновенно называется повязка, дѣлаемая изъ холста или другихъ тканей, для того, чтобы не марался отъ волосовъ верхній головный уборъ и чтобы волосы не клокатились. Подобные волосники видимъ на изображеніяхъ № 30 и 33. Сверхъ волосника надѣвался *повойникъ*, или *оповойникъ*, къ коему прикрѣпляется подзатыльникъ, украшенный бисеромъ и блестками, какъ изображено на рисункѣ № 28.

Кокошники Торжковскихъ и Тверскихъ женщинъ, также въ Калужской, Ярославской и другихъ губерніяхъ, походятъ на полумѣсяцъ, обращенный внизъ концами; обращенный же концами вверхъ называется *сорокою*. Въ другихъ губерніяхъ они круглые, или клинообразные. Передняя его площадка, или сторона, бываетъ вся унизана жемчугомъ, иногда драгоцѣнными камнями (поднизью), по краямъ выложена золотыми позументами. Этотъ головной уборъ, по видимому, заимствованъ отъ Татаръ, или, по крайней мѣрѣ, и у нихъ былъ въ употребленіи. По свидѣтельству Плано-Карпина, «Татарки носили на головѣ нѣчто круглое, сдѣланное изъ ивы, или древесной коры; этотъ уборъ покрывался клеенкой краснаго цвѣта.» (1) Брёйнъ, въ путешествіи своемъ по Россіи, говоритъ, что головной уборъ у Астраханскихъ Татарокъ остроконечный, похожій на митру, весь покрытъ червонцами, а по краямъ унизанъ жемчугомъ въ нѣсколько низокъ, который виситъ наподобіе плетешковъ. Уборъ этотъ и часть туловища Татарки покрываютъ тонкою бѣлою тканью. (2) Подобная намётка у Русскихъ называется *фатою*, иногда *флерами*, какъ напр. въ Твери, № 33.

Кокошникъ служитъ символомъ замужства; въ деревняхъ, послѣ вѣнчанія, донынѣ еще, завивъ новобрачной волосы въ двѣ косы, надѣваютъ на нее кокошникъ, съ приговоромъ: «вотъ тебѣ кокуй, съ нимъ и ликуй!»

Въ другихъ губерніяхъ, вмѣсто кокошника, носятъ *кики* или *кички*, которыя по большей части, имѣютъ видъ открытой короны, испещренной спереди золотыми позументами, жемчугомъ, или бисеромъ и драгоцѣнными каменьями, см. № 28 и 30. Подобный головной уборъ носили Русскія Царицы. Въ описи казны Царицы Евдокіи Лукьяновны встрѣчается: «кика отласъ «червчатъ, на немъ запоны золоты съ каменьемъ съ алмазы и съ яхонты «и съ изумруды, а поднизи зерна гурмыцкіе на золотыхъ спняхъ, назади

(1) Собраніе путешествій къ Татарамъ въ XIII, XIV и XV столѣт. Спб. 1825, въ 4.

(2) Voyages de Cornelius Le Brun par la Moscovie en Perse et aux Indes orientales. Amsterd. 2 t. 1718, in-f.

«бархатъ черный. 7128 г. Ноября въ 3 день сію кику пожаловалъ дщери «своей Царевнѣ великой Княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ. Еще кика бѣлая, у «ней запоны золоты съ каменьемъ съ яхонты и съ лалы и съ изумруды «и съ бирюзами, назади соболь.»

Праздничный головный уборъ дѣвицъ въ Тихвинѣ *вьицы* съ городками, низаные жемчугомъ и бисеромъ, см. рисунокъ № 32. Зимній женскій уборъ составляютъ треухъ и шапка.

Употребительнѣйшее и древнѣйшее женское платье въ Россіи есть *сарафанъ*, изображенный на рисункахъ № 28, 29, 31 и 32. Эта одежда безъ рукавовъ, съ проймами, съ верху до низу застегнутая мѣдными или серебряными пуговицами. Смотря по состоянію, она шьется изъ тканей, болѣе или менѣе цѣнныхъ; по краямъ и срединѣ обшивается гасами или позументами, не рѣдко подпоясывается шелковою опояской, на коей хозяйки обыкновенно носятъ ключи. Въ Твери сарафанъ называется *ферезью*. Въ числѣ Царскихъ мужскихъ одеждъ XVII вѣка встрѣчается и сарафанъ, который описанъ въ Кроильной книгѣ 1637, Іюня 20 слѣдующимъ образомъ: «скроенъ Государю сарафанъ тафта червчата, длина сарафану 1 арш. 15 вершк. позади длина 1 ар. 13 верш. въ плечахъ ширина 1 ар. $1\frac{1}{2}$ вер. рукава длина 1 ар. 6 вер. Тафты вышло $7\frac{1}{2}$ ар. подпушка тафта желта $1\frac{1}{2}$ арш. нашивка сверху пуговки втышныя обшиваны золотомъ пряденымъ, внизу 3 гнѣзда, шолкъ зеленъ съ золотомъ пряденымъ, дѣланы въ мастерской палатѣ.» Въ кроильныхъ книгахъ 1641 г. также упомянутъ *сарафанецъ* изъ желтой тафты съ пуговицами изъ пряденаго золота.

Сарафанъ круглой, бористый, т. е. съ частыми складками назади, называется шубкою.

Сверхъ сарафана и шубки надѣвается лѣтомъ душегрѣйки безъ рукавовъ, извѣстныя въ Твери болѣе подъ названіемъ *фуфаекъ*, см. № 29, зимою — эпанечка съ рукавами, см. № 30. На рисункѣ № 33 видны у Тверской дѣвицы на рукахъ рукавички, коими она, по принятому обычаю, закрываетъ лице. Такія рукавички шьются изъ бархата, съ собольей опушкой.

Шею въ однихъ мѣстахъ женщины украшаютъ жемчужнымъ ожерельемъ и монистами № 32, въ другихъ повязываютъ двойными галстучками.

На ногахъ носятъ то босовики, то бахилы и башмаки. На эстампѣ № 34 изображены наряды крестьянокъ въ Рязанской губерніи; они въ разныхъ

губерніяхъ разнятся своимъ покроемъ и названіемъ. На головѣ у Рязанской крестьянки кичка, покрытая сверху платкомъ, съ подзатыльникомъ изъ бисера; верхнее платье *понька* или *балахонъ*, также *шушунъ* и *сермяга*, коей утокъ шерстяной, а основа льняная; подъ нимъ *понёва* съ фартукомъ, который въ Орловской и Тульской губер. называется *запавѣскою*.

ЖАЛОВАННЫЙ КАЗАЦКІЙ КАФТАНЪ.

(Рисун. Отд. IV. № 33.)

Этотъ жалованный кафтанъ напоминаетъ намъ старинный обычай Царей Русскихъ жаловать нарядною одеждой за вѣрную службу и храбрость, а вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ и подвигъ казака Василія Брешка при взятіи Юнгфергофской крѣпости подъ Ригою 1710 г. Петръ I наградилъ его изображеннымъ здѣсь кафтаномъ. Другой кафтанъ составлялъ въ то время отличіе казацкаго старшины.

СЕРЕБРЯНЫЯ СЕРЬГИ И ПУГОВИЦЫ,

НАЙДЕННЫЯ БЛИЗЪ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ И ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Рисун. Отд. IV. № 34.)

Изображенные на рисункѣ древніе памятники изъ религіозной и домашней жизни показываютъ, на какой степени стояло искусство въ тѣ времена, къ коимъ относятся эти тѣльные кресты въ серебряной оправѣ, пуговицы, серьги и другія украшенія.

О первыхъ мы имѣли уже случай говорить; коснемся значенія послѣднихъ.

Пуговицы, какъ застежки, составляли въ древности не только необходимую принадлежность, *прикладъ* Велико-Княжеской, Царской и боярской одежды, но и украшенія оной. Серебряныя пуговицы, найденныя близъ Переяславля, сходны съ открытыми въ старой Рязани и хранящимися въ Оружейной Палатѣ. (1) Цѣнность и красивость пуговицъ согласовались съ нарядомъ и временемъ. Онѣ дѣлались изъ золота и серебра, украшались чернью, финифтью, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; какъ видно изъ старыхъ описей и выходныхъ книгъ, имъ давалась различная форма: онѣ были то прорѣзныя и сканныя, какъ изображенныя здѣсь, то рѣшетчатыя, то сѣнчатыя, осмиугольныя, лосчатыя, хамьяныя, грановитыя и т. д. (2)

(1) Письма К. Калайдовича объ археолог. изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи. М. 1823, въ 8.

(2) Выходы Государей Царей и пр.

Чтожъ касается до серегъ или, по старинному, *усерязей,* то употребленіе ихъ весьма древне, и форма разнообразна; ихъ носили не только женщины, но и мущины. Левъ Діаконъ Калойскій, видѣвшій Русскихъ въ войнахъ съ Дунайскими Болгарами и Греками, 970 и 71 г. свидѣтельствуетъ, что у Вел. Кн. Святослава, при свиданіи его съ Императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ, была въ одномъ ухѣ золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами съ рубиномъ. Обыкновеніе носить серьгу продолжалось у Великихъ Князей до XIV вѣка и далѣе; ибо отецъ Димитрія Донскаго Вел. Князь Іоаннъ Іоанновичь завѣщавалъ двумъ сыновьямъ по серьгѣ съ жемчужинами. (3)

Серьги, найденныя близь Переяславля и въ Саратовской губерніи, величиной и фигурою своей разнятся отъ длинныхъ серегъ, украшающихъ древнія иконы въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ и въ Коробановомъ музеѣ; послѣднія открыты въ подмосковныхъ селахъ Измайловѣ и Коломенскомъ, состоятъ, подобно другимъ, изъ металлическаго колечка съ замочкомъ и подвѣсокъ изъ камней, жемчугу и цѣпочекъ съ кисточками; подвѣски сіи у древнихъ серегъ столь длины, что лежали на плечахъ. Въ описяхъ XVII вѣка упоминаются: «серги бечета на серебрѣ съ жемчугомъ,»—«серги виниса на серебрѣ съ жемчугомъ;»—«серьги льяники на серебрѣ съ жемчугомъ.

Къ женскому убору принадлежали также *рясы,* или *рясны,* родъ серегъ, состоящихъ изъ лопастей жемчужныхъ.» Въ описи Моск. Усп. Собора 1627 г. онѣ такъ изображены: «Рясы жемчугъ большой, колодки и колца и переймы и наконешники золоты съ черныо, а въ колодкахъ восмь яхонтовъ червчаты, да восмь изумрудовъ, а въ переймахъ и в наконечникахъ 56 искорокъ, бирюзъ и виписокъ, а на лице тѣхъ камышковъ, искорокъ и бирюзъ и виписокъ сорокъ восмь.» Таковъ былъ прикладъ матери Царя Михаила Ѳеодоровича великой старицы Мароы Ивановны къ чудотворной иконѣ Владимірской Богоматери. Обыкновенно прикладъ къ иконамъ Богоматери издревле составляли серьги и рясны, кои привѣшивались къ вѣнцамъ и гривнамъ, безъ сомнѣнія, на томъ основаніи, что въ Псалмѣ XLIV Царица небесъ предъизображается «рясны златыми преиспещрена.»

Къ этому не за излишнее почитаемъ присовокупить, что серьги, въ древности, были не только украшеніемъ, но и предохранительнымъ сред-

(3) Собраніе государ грамотъ, I, 40.

ствомъ, по словамъ блаженнаго Августина, idolorum phylacteria. (4) Когда праотецъ Іаковъ сказалъ дому своему: «поверзите боги чуждыя, иже съ вами отъ среды васъ и очиститеся и измѣните ризы своя; тогда они «вдаша Іакову боги чуждыя, иже бяху въ рукахъ ихъ, *и оусерязи, яже* въ оушесѣхъ ихъ.» *Бытія*, XXXV, 4.

У однихъ народовъ серьги служили отличіемъ, у другихъ означали рабство. У Русскихъ нарядныя серьги знаменовали состояніе замужства.

(4) Записки на книгу Бытія, изд. 2. Спб. 1819, въ 8.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ

КЪ I-му ОТДѢЛЕНІЮ.

Въ I отдѣл. Д. Р. Г. на стр. XXV поправить надобно, вм. « личныхъ примѣровъ » — личныхъ примѣтъ.

Къ стран. XXIX къ строкѣ 22 прибавимъ: Иконопись въ XV вѣкѣ процвѣтала не въ одной Москвѣ, но и въ окрестныхъ монастыряхъ. Въ житіи Св. Іосифа Волоколамскаго упомянуто, что « соборная церковь его обители подписана бысть изящными и хитрыми въ Русской землѣ иконописцами, нарещи живописцами: старцемъ *Паисіемъ* и *Діонисіемъ*, и его дѣтьми *Ѳеодосіемъ* и *Владиміромъ*, съ ними были два старца, братанича блаженнаго Іосифа *Досиѳея* и *Вассіанъ*, иже бысть Епископъ Коломенскій. » *Исторія Росс. Іерарх.* II, 975.

Въ церковь Успенія Богоматери Кирило-Бѣлоезер. м. написалъ чудотворный образъ Пречистыя Богородицы честнаго ея Успенія иконописецъ мужъ благочестивъ, богобоязливъ, именемъ *Алексій Псковитинъ, словомый Малый*, 7029 (1521) года. См. *Лѣтописн. сборникъ К. Б. М.*

Къ стр. XXXVII: иконописцы въ Великомъ Новгородѣ начала XVI в. были: *Андрей Лаврентьевъ* и *Иванъ Дерманцевъ*, написавшіе Деисусъ въ Софіи, 1509 г. *Карамз.* И. Г. Р. VII, пр. 383.

Во Временникѣ И. М. О. И. и Д. Р. 1849, № 3, Князь М. А. Оболенскій въ Смѣси, стр. 10, согласенъ былъ съ нами (введеніе, стр. XXX) что, вмѣсто Иванъ Спаситель, надобно читать Списатель и въ статьѣ своей (Поправка одного мѣста лѣтописи) представилъ новыя тому доказательства, между прочимъ, что вмѣсто *Арганногоя Греца*, надобно читать: *арганнаго игреца*.

Н. Снегиревъ.

